

ОХОТА

Безликий
князь 1

РОМАН ГЛУШКОВ

2016 год. Жемчужина Аравийского полуострова Дубай становится жертвой наступившего на планете, Сезона Катастроф. Уже несколько месяцев здесь бушует песчаная буря и когда она утихнет, не знает никто.

Именно здесь, в песчаной мгле и на ураганном ветру, сойдутся в беспощадной схватке три свирепых противника: заброшенный сюда из будущего охотник за головами по прозвищу Безликий, группа наемников-дезертиров из русской военной разведки, а также терроризирующий город гигантский хищник, чьи сородичи вымерли сорок миллионов лет назад.

Что не поделили между собой матерые убийцы из разных временных эпох и кто стравил их друг с другом на этой арене? Ответ на это заключен в пакалях – ценных артефактах, которые все они ищут. И на которые у каждого из них есть свои особые планы...

Роман Глушков

Охота

*Дьявол в аду – образ
положительный.*

**Станислав Ежи
Лец.**

Зона № 7, Дубай, Февраль 2016 года.

Он помнил этот мир совсем другим.

И хоть прежде Безликому не доводилось смотреть на Дубай с высотных террас небоскреба Бурдж-Халифа, разница между нынешним Дубаем и тем, каким он видел его в последний раз, была заметна даже из поднебесья. Райская жемчужина, некогда цветущий, современный оазис на берегу Персидского залива ныне превратился в крошечный ад. Ад, который даже по меркам побывавшего за свою жизнь не в одном аду Безликого был чем-то из ряда вон выходящим.

Вот уже третий месяц в Дубае свирепствовала песчаная буря. При взгляде сверху она напоминала исполинскую коровью лепешку, что упала на россыпь сверкающих кристаллов – Бурдж-Халифа и других небоскребов, чьи верхушки торчали над этой грязно-желтой массой. И не просто упала, а вдобавок медленно вращалась и ревела, разве что при этом не воняла, и на том спасибо. Миллиарды

тонн песка носились над Дубаем, раскрученные до ураганной скорости неведомой климатологам силой. Также не ведали они, когда закончится странный катаклизм. Прогнозы строились разные, но оправдывались пока лишь самые мрачные. Буря и не думала утихать, мало-помалу превращая Дубай в мертвый город-призрак.

Диаметр циклона не превышал семидесяти километров, и уже в расположенном по соседству Абу-Даби царила тишь да благодать. Было относительно спокойно и на верхних этажах многих небоскребов. На высоте в двести с лишним метров циклон словно упирался в невидимый барьер и терял свою силу, уступая место господствующим здесь обычным ветрам. Зато внизу, на побережье, над водами залива и на искусственных насыпных островах стихия бушевала во всю свою дьявольскую мощь.

И именно туда – в ревущий песчаный котел – предстояло спуститься Безликому...

– Значит, вы утверждаете, что вскоре такой хаос будет твориться во всем мире? – спросил он у Инструктора, который доставил его сюда и, исполнив миссию, готовился вот-вот покинуть своего подопечного.

– Мир уже повержен в хаос и летит под откос, – ответил Инструктор. Честно говоря, это его следовало бы называть Безликим. В своем

эластичном сером комбинезоне и надетой на голову такой же эластичной шапочке-маске, в которой не было ни одной прорези, он напоминал не человека, а ходячую и говорящую заготовку для манекена. – Ты еще не видел затопленную Москву, разрушенный землетрясением Новосибирск, утонувший в кипящей грязи Найроби, заросший хищными лианами Бангкок, сожженный гигантскими муравьями этот... как его... все время забываю название того американского городка... Ты не видел толпы беженцев, горы мертвых тел и беспомощных миротворцев, которые мечутся от одной катастрофы к другой, элементарно не зная, что им делать. Ты не видел панику, которая поразила властные структуры всего мира, не видел разваливающуюся экономику и массовые беспорядки на улицах крупных городов. Ты много чего не видел, Безликий. Но тебе и не нужно всего этого видеть. Скажу больше: пока ты будешь находиться здесь, в мире наверняка произойдет еще немало бедствий. Причем некоторые из них будут гораздо ужаснее, чем это. – Он указал на беснующуюся внизу бурю. – Так что, если хочешь вернуться обратно в свой две тысячи сто девяносто восьмой год и обнаружить там привычную реальность, а не безжизненную, выжженную дотла пустыню, советую тебе сделать то, о чем я тебя прошу.

– Вы просите меня сделать то, чем я поклялся больше никогда не заниматься, – проворчал Безликий. – Поклялся не только самому себе, но и своей приемной дочери, а также двум внукам.

– По-моему, я доходчиво объяснил тебе, Безликий, что, если ты откажешься, может случиться, что в том мире, где ты живешь, у тебя вообще не будет ни дочери, ни внуков, – напомнил Инструктор. – Просто потому что они никогда не рождаются. Ни они, ни миллиарды других детей. Также, возможно, там не будет тебя, ведь с некоторых пор ты считаешься неотъемлемой частью той реальности. Ты связан с ней гораздо крепче, чем даже с миром, где ты родился и прожил почти всю свою жизнь. Так неужели ты хочешь все это уничтожить лишь потому, что ты кому-то там поклялся, бросив на воздух несколько пустых слов?

– Нет, не хочу, – ответил Безликий. – Да и поздно мне отказываться от работы, раз уж я сюда явился. Единственное, что мне хотелось бы узнать, это детали игры, в какую вы меня втравили. И чем больше, тем лучше.

– Разве твое бывшее командование посвящало тебя во все подробности боевых операций, в каких ты участвовал? – хмыкнул Инструктор. И сам же ответил на свой вопрос. – Нет, конечно. Ты – всего лишь исполнитель, который знает ровно столько, сколько ему положено. Ни больше ни меньше. Я,

конечно, знаю побольше тебя, но тоже далеко не все, о чем мне хотелось бы знать. Но даже если бы мое начальство вдруг решило рассекретить нам с тобой всю информацию об этой операции, вряд ли мы связали бы в ней концы с концами. Это слишком большая и сложная игра, Безликий, чтобы исполнители, вроде тебя и меня, смогли вникнуть в замыслы тех, кто ее ведет. Поэтому просто делай свою работу и постарайся не умереть. Вот и все, что мне от тебя требуется. И нам, и твоему миру, который ты здесь защищаешь... А теперь прощай. И не нужно пытаться выйти со мной на связь. Когда придет время, я сам тебя разыщу.

И Инструктор, кивнув Безликому, растаял в воздухе, будто его здесь и не было.

Безликий вполголоса чертыхнулся и снова задумчиво уставился на ревущий под ним гигантский песчаный вихрь.

Ну вот и все. Теперь он предоставлен самому себе и может полагаться только на себя и свои таланты. Почти как в старые добрые времена.

Безликий и сам был почти старик – как-никак, уже скоро полтинник стукнет. Но в том прекрасном мире, где он прожил последние несколько лет, люди стареют медленно и легко доживают до ста пятидесяти. Поэтому глаз у Безликого оставался по-прежнему зорким, рука не дрожала, а его нервной выдержке могли позавидовать даже

кардиохирурги, автогонщики и космонавты.

И Инструктор, и его начальство были откровенно двуличными мерзавцами. Но в одном они, безусловно, правы: лучшего исполнителя для такой специфической работы им было не найти. Вдобавок, он отлично знал эти места и эту эпоху, превосходно говорил на арабском и вряд ли заблудится в Дубае даже в бурю.

– Поверить не могу – я снова в начале двадцать первого века, снова на «югах» и снова вышел на охоту! – пробормотал себе под нос Безликий и горько усмехнулся. – Что прошлое, что будущее – везде одно и то же. Ничего в этом проклятом мире не меняется!

Тут он, конечно, сильно ошибался. На самом деле мир менялся, причем стремительно. И чтобы убедиться в этом, достаточно было взглянуть с вершины Бурдж-Халифа на захлебывающийся ураганом Дубай.

Да, мир менялся, но, увы, не так, как всем того хотелось бы.

В начале 2016 года окончательно ушли привычные нам времена.

Наступил Сезон Катастроф...

Глава 1

Зона № 7. Дубай. Два месяца спустя

– Пелядь и простипома! – выругался Крупье и указал на еще одну встретившуюся нам вывеску с иероглифами. Она висела на стене длинного и изогнутого, будто гигантская гусеница, здания, мимо которого мы проходили. Судя по размерам и незамысловатой архитектуре, это был мегамолл. Судя по количеству вывесок на китайском языке – китайский мегамолл. – Полковник, а вы точно уверены, что мы не вляпались в какую-нибудь пространственную аномалию и не перепрыгнули отсюда в Шанхай или Гонконг? Вместе со всем этим дерьмовым песком!

– Наш друг Захаб, похоже, так не думает, – ответил я, указав на идущего впереди проводника. Вернее, на его едва различимый силуэт – песчаная буря, сквозь которую мы пробирались, позволяла видеть вокруг себя не более, чем на полсотни шагов.

– Возможно, наш друг Захаб просто не умеет читать, – предположил Крупье, поправляя лямки ранца с оборудованием.

– Так же как ты, компьютерная крыса! – незлобиво огрызнулся на него идущий позади нас Бледный. – Ты хоть знаешь, сколько вообще букв в русском языке?

– Гораздо больше, чем нужно для того, чтобы посылать на хрен придурков вроде тебя, – огрызнулся Крупье.

– Что и следовало доказать! – оживился Бледный, усаживаясь на своего любимого конька. – А еще говорят, будто первые слова, которые родители от тебя услышали, были «Драйвер звукового устройства настроен!».

– А про тебя брешут, что ты вылез из материнской утробы уже с ножом в зубах и сам перерезал себе пуповину, – заскрипел зубами Крупье, видимо, успевший отвыкнуть от шуток «заклятого друга». И, памятуя, что тот просто так не отвяжется, обратился ко мне за поддержкой: – Разрешите высказать мнение, полковник?

– Валяй, – отозвался я, оглядываясь и проверяя, на месте ли наше тыловое прикрытие.

– Попрошу занести мои слова в итоговый отчет об операции: я с самого начала был против участия в ней майора Бледного. И предупреждал, что его дискриминация младших по званию подрывает моральный дух отряда, а это не доведет нас до добра.

– А я попрошу отметить, – добавил в свою очередь Бледный, – что капитан Крупье проявляет неуважение к вышестоящим офицерам. И нарочно упоминает при мне названия съедобных рыб, отлично помня, что я на дух не переношу рыбные блюда.

– Пелядь и простипома! – вновь выругался Крупье и указал вперед.

Прямо по курсу из мельтешащей песчаной пелены вырисовывался объект, который, при внимательном рассмотрении, оказался статуей дракона, обернувшегося вокруг земного шара. Не нужно было являться востоковедом, чтобы углядеть в драконьей морде ее типично китайское происхождение. – Точно вам говорю: никакой это не Дубай! И наш Захаб работает не на шейха, а на китайскую разведку!

– Честное слово, как же мне не хватало все эти годы вашей идиотской болтовни! – по-отечески снисходительно заметил я, похлопав по плечу электронщика. – Даже порой жалел, что не забрал вас с собой в тюрьму, чтобы вы, сидя на соседних нарах, развлекали меня своим трепом...

Насчет желания видеть своими сокамерниками Крупье и Бледного я, конечно, пошутил. Но в остальном был совершенно искренен. Я действительно соскучился по своей команде: хладнокровному кровопускателю Бледному, повернутому на электронных гаджетах Крупье, молчаливому громиле Гробику, шустрому и ловкому как мартышка Сквозняку... Всех нас давно лишили воинских званий и наград, но мы по-прежнему блюли субординацию. И вообще вели себя так, будто находимся в очередной боевой командировке и ничего для нас в этом мире не изменилось. Но то была всего-навсего впитавшаяся

в кровь привычка, не больше. И если кто-то из моей команды вдруг заартачится и откажется выполнять мои приказы, я смогу разве что пристрелить его, но заставить подчиняться мне – уже дудки.

Впрочем, не желай больше Бледный и остальные иметь со мной дел, они не откликнулись бы на мое приглашение и не прилетели бы в Эмираты так быстро, как только смогли.

Четверо дезертиров и предателей под командованием осужденного на пожизненный срок полковника-палача Родиона Грязнова, прозванного журналистами Грязным Иродом... Пятерка бывших оперативников секретного военно-разведывательного Ведомства, вынужденная бежать и податься в наемники. Почему? Да потому, что родина отказалась от их услуг, устроив над ними публичное судилище и сочтя их действия военными преступлениями. Забавный поворот, особенно беря во внимание, что раньше за ту же самую работу родина награждала нас орденами и медалями...

То, что спустя три года мы снова собрались вместе, до сих пор казалось мне невероятным сном. И потому больше всего на свете я боялся сейчас проснуться и обнаружить себя лежащим на тюремных нарах в колонии строгого режима под Воркутой и сокрушаться о том, что последние три недели моей жизни оказались всего-навсего

сладкой грезой.

Но пока сон продолжался, это было воистину замечательно. Даже несмотря на то, куда нас занесло и что творилось сегодня в обезумевшем мире. В любом случае, уж лучше издохнуть свободным человеком в аравийских песках, нежели голодным эком в воркутинской тундре...

Что бы там ни мерещилось Крупье, сейчас мы вступали в Дубай, двигаясь вдоль шоссе Аль-Авир. Оно тянулось с запада на восток до городка с таким же названием и должно было привести нас туда, где наш новый покровитель и наниматель, шейх Демир аль-Наджиб намеревался отыскать... хм, даже не знаю, как это и назвать...

– ... Вам придется пройти сквозь песчаную бурю, мой друг, но работа, какую я вам поручу, на самом деле несложная. По крайней мере, для вас и ваших людей, – сказал шейх, когда я гостил у него во дворце Дар-ас-Сабах на побережье Оманского залива, в полутора сотнях километров отсюда. – У этой странной бури тоже есть глаз, и где-то в том глазу вы обнаружите черный след Иблиса – некую, скажем так, аномалию неизвестной природы.

– Звучит зловеще. Эта аномалия радиоактивна, токсична, взрывоопасна?

– Насколько мне известно, никаких агрессивных свойств за ней не обнаружено. Просто выглядит она как бы не от мира сего. Точно я ее не

опишу, но когда вы ее увидите, то ни с чем другим не спутаете. Мне известно лишь то, что след Иблиса довольно крупный, имеет черный цвет, постоянно меняет свои очертания и глушит вокруг себя всю беспроводную связь. Но сам он меня не интересует. Мне нужен некий металлический предмет или даже несколько таких предметов, которые вы обнаружите неподалеку. Выглядят они примерно вот так.

Демир-паша дважды хлопнул в ладоши, и позади него загорелся огромный дисплей, на котором вертелась компьютерная 3D-модель квадратной пластины с закругленными углами. Одна сторона ее была плоской, другая – чуть выпуклой. По плоской пробегали, исчезая и появляясь снова, прямые, ломаные и изогнутые линии. На выпуклой стороне сменяли друг друга причудливые картинки, похожие на те, какие рисуют ацтеки или майя. Слева от пластинки была начерчена масштабная шкала. При взгляде на нее, я определил, что размер этой вещицы совсем небольшой и она запросто уместится на ладони. Справа от изображения была надпись «Пакаль» – видимо, так называлась эта странная хреновина.

– Пакаль? – Я наморщил лоб, но так и не вспомнил, что обозначает это слово. Судя по звучанию, оно, так же, как рисунки на пластинке, тоже могло уходить корнями в доколумбовую

Америку. Ко всем этим ацтекам, тольтекам, ольмекам и прочим «кетцалькоатлям».

– Верно, пакаль, – подтвердил Демир-паша. – Как много вообще вы знаете об истории и культуре Мезоамерики?

– Достаточно, чтобы помнить, что раньше в ее истории не упоминалось ни о каких пакалях, – признался я. – Хотя, конечно, в последние годы археологи могли обнаружить там все, что угодно, а затем потерять свои находки в ваших краях. Почему бы и нет? Мир стал слишком непредсказуем – уж я-то знаю не понаслышке. Скажи мне кто-нибудь пару недель назад в Воркуте, что скоро я окажусь на берегу Оманского залива в гостях у настоящего шейха и что меня будут ублажать его лучшие наложницы, я бы врезал тому шутнику по зубам. Однако, как видите, в мире есть место даже таким немыслимым чудесам. Нужно ли после этого удивляться каким-то там аномалиям и пакалям?

– Воистину, на все воля Аллаха! – понимающе кивнул шейх. – Не спрашивайте, откуда там взялся пакаль или пакали и зачем они мне понадобились. Просто запомните, как выглядят предметы, за розыск которых я вам плачу. Не знаю, какие именно рисунки и линии на них будут. Вам нужно лишь найти их с помощью металлоискателя и принести мне. Все, какие только обнаружите. Если

табличек не окажется рядом со следом Иблиса, увеличьте радиус поиска. Хотя, по имеющейся у меня информации, пакали должны валяться неподалеку от него.

– Только и всего? – удивился я. – И ради этого, вы, Демир-паша, не пожалели выкупить из русской тюрьмы самого полковника Родиона Грязнова, известного всему миру под прозвищем Грязный Ирод?! Понятия не имею, сколько вы за меня заплатили, но уверен, что за эти деньги вы могли бы нанять десяток отрядов наемников, которые давно исползали бы Дубай вдоль и поперек и нашли бы вам эти железки.

– Конечно, вы правы, мой друг, – согласился хозяин дворца Дар-ас-Сабах. – Говоря, что вас ожидает несложная работа, я имел в виду лишь то, что по сравнению с операциями, какие вы проводили для Ведомства, эта покажется вам простой как... как э-э-э... как это говорят у вас в России?

– Как дважды два... Однако не понимаю, о каком-таком Ведомстве вы говорите, – соврал я. Не столько из-за секретности, какую мне давно отпала надобность соблюдать, сколько по старой привычке отрицать любые связи с этой особо засекреченной конторой. – Я командовал обычным тактическим подразделением ГРУ. Добыча информации, розыск террористических баз, провокации, агентурная

вербовка, принуждение к сотрудничеству и прочая рутина... Об этом сегодня, благодаря прессе и телевидению, всему миру известно.

– Ладно, пускай ГРУ. Велика ли в конце концов разница: ГРУ, ФСБ, МВД, Министерство финансов... Разве это имеет сегодня для вас и для меня какое-то значение? – отмахнулся шейх, лукаво улыбнувшись. Хитрец давал понять, что ему известно обо мне намного больше, чем говорится в официальных источниках, но из вежливости он готов притвориться, что и впрямь не знает ни о каком Ведомстве. – Но давайте вернемся к делу, полковник. Вы угадали: я действительно посылал в Дубай наемников и не раз. Хороших наемников, не всякий сброд, надо заметить. И они, подобно вам, удивлялись, почему я нанимаю дорогостоящих профессионалов для столь пустяковой работы... Вот только где они сегодня, эти профессионалы?

– Неужто все до единого погибли?

– Не все. Из трех групп два человека все-таки вернулись. И выжили они лишь благодаря тому, что, потеряв напарников, просто пустились наутек и бежали без оглядки до тех пор, пока не покинули аномальную территорию.

– И с кем же они там столкнулись? Неужели с самим Иблисом?..

Демир аль-Наджиб верил в Аллаха, но, получив в Европе хорошее образование, презирал

религиозных фанатиков, стремящихся стереть с лица планеты всех неверных. Он был богат, но знал цену деньгам; щедр, но не бескорыстен; дружелюбен, но очень злопамятен. Таких, как он, в Ведомстве называли «аладдинами». Эти влиятельные люди всегда могли в случае чего потерять для вас нужную лампу и призвать на подмогу «джинна» – высокопоставленного чиновника или какую-нибудь вооруженную группировку. Однако стоит лишь вам злоупотребить их доверием или обмануть с вознаграждением, они не долго думая обратят против вас гнев всех своих «джиннов». Учитывая горячий и зачастую непредсказуемый нрав большинства арабов, с прагматичными «аладдинами» всегда было приятно иметь дело. Но если вы не уверены, что сдержите данное им слово, лучше за помощью к ним не обращайтесь. Потому что в противном случае для вас могут навсегда закрыться не только двери их дома, но и ворота всего Ближнего Востока.

Разумеется, могущественный и образованный Демир-паша не боялся ни шайтана, ни прочих демонов. И все же мой последний вопрос заставил его нахмуриться и посмотреть на меня с укором.

– Было бы гораздо лучше, полковник, если бы мои люди и впрямь столкнулись с Иблисом, – проговорил он, качая головой. – Иблис, да покарает

его Аллах, жесток и коварен, но у него есть уши и с ним хотя бы можно договориться. Нет, мой друг, в центре этой проклятой бури лютует другое зло. Такое, которого многие здесь боятся пуще шайтана. Выжившие наемники клянутся Аллахом, что в Дубае они столкнулись с самим Безликим.

– Безликий? – переспросил я. – Тот самый Безликий, который, как гласят ваши легенды, когда-то уничтожил пакистанского шаха Зухайра и двух его сыновей, Шакура и Хабиба?

– ... А также еще два десятка известных и уважаемых людей, с которыми даже я не рискнул бы ссориться без веской причины, – добавил шейх. – Тот, кого называют Безликим, охотился за головами на Востоке с начала девяностых годов. Он пролил здесь немало крови, но последние лет пять о нем ничего не было слышно. Однако мои люди утверждают, что он вернулся, и у меня нет оснований им не верить. И все же я хотел бы выслушать, что обо всем этом думаете вы. Если вам доводилось слышать легенды о Безликом, значит, вы в курсе, что он приходил к нам с севера. Оттуда, откуда прибыли и вы, полковник.

– Да, я тоже об этом слышал, – ответил я. – Только боюсь, Демир-паша, что в данном вопросе я не смогу быть вам полезен. Даже если легенды правы, во что лично я не особо верю, и Безликий действительно бывший мой... хм... сослуживец,

откуда бы у меня взялась о нем свежая информация? Меня арестовали зимой две тысячи тринадцатого. После этого я даже обычные новости узнавал от случая к случаю. А о том, что творилось в это время у нас в «конторе», меня и подавно не информировали.

– Я не требую от вас информации или выдачи служебных секретов, мой друг, – уточнил хозяин. – Тем более что вы, как простой исполнитель, вряд ли знаете что-то действительно ценное. Мне нужны лишь ваши соображения и догадки. Почему исчезнувший Безликий, на кого бы он ни работал, вдруг объявился здесь и сейчас? Почему он не охотится на королей и ферзей, как прежде, а занялся истреблением пешек? И, главное, сможете ли вы противостоять этому демону в человеческом обличье, если он устроит охоту на вас?

– А на чем вообще основана версия, что ваших наемников уничтожил Безликий, а не отряд какого-нибудь элитного спецназа? – задал я встречный вопрос.

– Авторство картины легко определить по почерку художника. И чем он гениальнее, тем проще это сделать. Как бывает у любого мастера, у Безликого есть свой стиль. И этот стиль на Востоке знают, как никакой другой. К тому же кое-что в его работе остается неизменным: он всегда выбирает идеальный момент для атаки. Как правило, тогда,

когда вам кажется, что вы достигли цели, все неприятности позади и награда практически у вас в руках. Безликий любил убивать свои жертвы в их логовах, когда они чувствовали себя в наибольшей безопасности и не были готовы к смерти. Каждый его удар выверен с хирургической тщательностью. Безликий не тратит зря патроны, стреляет редко и только по цели и всегда пользуется глушителем. Он – хищник с феноменально развитым чутьем. Он знает наперед все ваши ходы и может заставить вас играть по его сценарию еще до того, как вы угодите в его ловушку. А угодив туда, вы наверняка даже не увидите того, кто вас убил. Умение Безликого маскироваться и оставаться в тени доведено до совершенства иллюзиониста. К слову сказать, вторую группу моих наемников он вообще уничтожил без единого выстрела.

– Где именно это произошло?

– В индустриальной части Рас-аль-Хор, южнее района Лагуны, где вам предстоит искать таблички.

– Все ясно. Ваши ребята хотели прокрасться туда через лабиринты офисных зданий, складов и ангаров, потому что заметили поблизости от следа Иблиса что-то подозрительное. К примеру, горящую крышку или мерцающий фонарь. Которые, разумеется, зажег Безликий. В итоге это он подкрался к противникам вплотную, когда они

рассредоточились для наблюдения. И вырезал их прежде, чем они поняли, что их убивают поодиночке. Прodelать такое под покровом песчаной бури для Безликого проще простого.

– Да, приблизительно так все и было, – кивнул шейх. – И я очень надеюсь, что вы не повторите этой ошибки.

– Не повторим, – заверил я его. – Вы ведь за тем и вытащили меня из тюрьмы, чтобы уравнять шансы охотника и жертвы, поскольку уверены, будто я и Безликий прошли одну и ту же военную школу. Так оно на самом деле или нет, судить не берусь. В своем ремесле он талантливее любого из нас, но для меня техника его фокусов не является загадкой. К тому же, при всем уважении к вам, Демир-паша, но вы не убедили меня в том, что мы имеем дело с Безликим. Кроме него в мире есть и другие специалисты с похожим почерком работы. Для меня загадка всей этой истории кроется в другом. Зачем вообще он этим занимается? Если наш охотник тоже ищет пакали и до сих пор их не нашел, не проще ли сначала проследить за конкурентами – а вдруг им повезет больше? И напасть на них после того, как товар окажется у них в руках. Если же Безликий нашел таблички, почему он не покинул Дубай, а продолжает охоту на искателей артефактов? Его поведение выглядит логично лишь в одном случае: он не ищет ваши

железки, а, наоборот, стережет их и следит, чтобы они не покинули Дубай... Но ведь это же полный абсурд, разве не так? Кому может прийти в голову сначала разбросать пакали в аномальной зоне, а потом начать убивать всех, кто попытается до них добраться? Если это какая-то игра, то в чем заключен ее смысл? На банальный тотализатор «Кто выжил, тот и победил» совсем не похоже. Никто не станет устраивать такие шоу в местах, где нет беспроводной связи и нормальных условий для видеосъемки.

– Вы задаете вопросы, мой друг, на какие я сам был бы не прочь получить у кого-нибудь ответы, – извиняющимся тоном проговорил Демир-паша. В общении с «аладдинами» трудно понять, когда они лукавят, а когда говорят правду. Но сейчас, как мне показалось, шейх был со мной искренен. – Если это действительно игра, – продолжал он, – значит, я, так же, как вы, тоже являюсь в ней одной из фигур, а не игроком. И, подобно вам, не могу отказаться от участия в игре. Вы – мой должник, я тоже обязан кое-кому жизнью и хочу поскорее выплатить этот долг. Но, чтобы докопаться до истины, надо сначала разыскать пакали и вынести их из Дубая. Только в пакалях заключены ответы на эти и, возможно, другие вопросы...

Отсутствие беспроводной связи – проблема,

конечно, серьезная. Но только не для Крупье, спявшего нам три компактных ультразвуковых передатчика – УЗП. Радиус их действия был невелик – от силы пара сотен метров, – но теперь мы могли посылать друг другу морзянкой сообщения, а также закодированные команды. Они преобразовывались в различимый человеческим ухом обычный зуммер. И заодно дублировались мерцанием светодиода – на случай, если поблизости окажется враг и звуковой сигнал придется отключить.

На всех УЗП не хватило. Поэтому один из них я выдал дозорному, другой – тыловому охранению, а третий оставил себе. И как только зуммер моего устройства трижды пропищал сигнал тревоги – первый сигнал опасности, поданный нам Захабом за время нашего многочасового пути, – мы тут же бросились за ближайшие укрытия. И сразу исчезли под маскировочными накидками, став неотличимыми от окружающих нас песчаных наносов.

Последнее действие отняло у нас от силы секунду. Все накидки, чехлы с которыми крепились к нашим ранцам, разворачивались автоматически. Стоило лишь потянуть за специальный шнур, как чехол раскрывался, ткань со специальным покрытием в мгновение ока распрямлялась и накрывала лежащего на земле человека. Оставалось

лишь подхватить ее края и подсунуть их под себя, чтобы маскировку не унесло ветром. Упаковывать ее обратно приходилось, правда, уже вручную, но это занимало всего минуту. Вдобавок, «хитрое» покрытие накидок настолько реалистично имитировало песок, что даже на ощупь казалось обсыпанным тонким его слоем, который держался на нем, как намагниченный.

Этими полезными штуковинами, а также обмундированием, оружием и другим вспомогательным оборудованием нас оснастил наниматель. Не знаю, где его люди все это покупали, но я удивился, обнаружив в каталоге того магазина товары, какие лишь недавно поступили на вооружение элитных подразделений России и НАТО либо должны были поступить туда в обозримом будущем.

Восхитившись ассортиментом, я, однако, не стал наглеть и попросил шейха заказать лишь то, что могло нам действительно пригодиться. Да и какими бы современными ни были эти «игрушки», их предстояло тащить на своем горбу, поскольку в целях конспирации мы не намеревались пользоваться транспортом. По крайней мере до тех пор, пока не отыщем пакали и не проясним ситуацию с Безликим.

Где укрылся Захаб, я не видел, а мы с Крупье и Бледным рассредоточились у постамента статуи

обвинившего глобус дракона. Гробик, Сквозняк и его подруга – австрийская авантюристка Зельма Дорф, которую он притащил с собой в Эмираты, – попадали наземь там же, где шли – за выступами стены мегамолла. Их троица подавно не видела, что творится впереди. И потому светодиод моего передатчика мигал морзянкой, требуя уточнить характер угрозы. Но мы сами пока понятия не имели, что встревожило Захаба. Шейх дал нам толкового проводника, но с азбукой Морзе он был не знаком. И кроме десятка коротких условных сигналов больше ничего передать не мог.

Впрочем, скоро и мы услышали подозрительные звуки, донесшиеся до нас сквозь шорох песка и завывание бури.

Сразу за мегамоллом от шоссе Аль-Авир на юг отходила дорога, соединявшая его с жилым многоэтажным районом. И сейчас по ней в нашу сторону шагало, сотрясая землю топотом, нечто огромное и многоногое. Причем шагало довольно быстро. Удары тяжелых ног раздавались один за другим почти без пауз и с каждым мгновением становились все громче.

Не утихающая буря, черная аномалия, которую прозвали «следом Иблиса», разбросанные возле нее странные таблички с картинками, прочая творящаяся на Земле чертовщина... Все это и без того ломало мою привычную реальность, в которой

только исполинских монстров и не хватало. Демир аль-Наджиб не предупреждал меня о подобной смертельной угрозе. Тем не менее по решительному топоту приближающегося гиганта становилось понятно: если он учует нас под накидками, вряд ли мы разойдемся с ним по хорошему.

Впереди в песчаной пелене замаячила огромная тень. Вроде бы она должна была проследовать мимо, но кто знает, куда свернет это существо в следующий миг и не ринется ли оно прямо на нас. Такая громадина запросто снесет статую, за которой мы прятались, и размажет меня, Бледного и Крупье по земле не хуже танка. Чтобы его остановить, нам следовало открыть огонь еще полминуты назад. А сейчас это под силу разве что Гробик и его «Милке» – ручному шестизарядному гранатомету «Milkor». Но Гробик не станет обстреливать чудовище гранатами, зная, что оно находится в считанных шагах от нас.

Стрельба раздалась неожиданно, но мы уже не имели к ней отношения. Тварь как раз поравнялась с укрытием Захаба, когда откуда-то сверху послышались крики, а затем оттуда же ударили выстрелы. Одиночные, но палили сразу из трех стволов – полуавтоматических охотничьих ружей, если судить по звуку. А если судить по крикам, то стрелками были вовсе не арабы.

Китайцы! Они стреляли по чудовищу с крыши

мегамолла. И стреляли явно не прицельно, поскольку нельзя нормально целиться и при этом истерически орать. Но размеры их противника позволяли попасть в него даже навскидку и с дрожащими руками. И потому превентивный отпор, данный китайцами неведомому монстру, заставил того дрогнуть и изменить маршрут.

Схлопотав несколько пуль, многотонная тварь взревела и... тут же оказалась вовсе не монстром, а обычным слоном. Откуда он здесь взялся и как дожил до сегодняшнего дня? Наверное, сбежал из зоопарка, цирка или какого-нибудь частного зверинца, какие еще не эвакуировались из города. К несчастью, обретенная слоном свобода оказалась куда суровее неволи. Отыскать пищу в Дубае, где все газоны были занесены песком, а от пальм остались лишь голые, ободранные стволы, стало для крупного травоядного животного чрезвычайно трудно. Но раз оно было еще живо, значит, ему повезло наткнуться на уцелевшую теплицу или остекленный садик. Где в конце концов тоже закончилась зелень, и слон отправился дальше бродить по улицам в поисках пропитания, пока не очутился здесь...

Стережущие мегамолл от мародеров хозяева тоже не разглядели во мгле, что за громадина к ним приближается. Не став дожидаться, когда та проломит ворота, они устроили ей горячую встречу

еще на подходе. Но когда слон затрубил, даже перепуганные китайцы сообразили, что они воюют с земной, а не с адской тварью. И сразу прекратили стрельбу, решив побереечь патроны.

Продолжая трубить, раненый слон бросился прочь отсюда. Выскочив на шоссе, он припустил в том же направлении, куда двигались мы, и вскоре скрылся за пеленой бури. Еще пару минут до нас долетали его рев и топот, после чего стихли и они. Было лишь слышно, как галдят на крыше обсуждающие инцидент, взбудораженные китайцы. Но вскоре им надоело торчать на пронизывающем ветру, и они убралась под крышу магазина.

«Общий сбор – третья точка!» – передал я сообщение своим людям, после чего я, Бледный, Крупье и Захаб, не снимая накидок, переместились назад, к тыловой группе. Проклятые китайцы слегка нарушили наши планы. Засечь нас здесь они не могли – на этой стене здания окна отсутствовали. Но если мы продолжим двигаться дальше, нам придется пройти мимо главного входа, что явно не останется незамеченным охранниками мегамолла.

– Гребаный песок и гребаные слоны! – проворчал Бледный. – Пускай русский с китайцем и братья навек, но местный китаец с дробовиком нам явно не брат... Куда теперь?

– Перебираемся на другую сторону шоссе и

идем прежним порядком до транспортной развязки, – распорядился я. – Крупье, сколько еще до главной цели?

– До района Лагуны осталось без малого пять километров, – доложил электронщик, сверившись с картой. – Особых препятствий на маршруте быть не должно. До ближайшей транспортной развязки – километр и восемьсот метров. Следующая – сразу перед Лагунами, но мы можем обойти ее с севера. Это как раз на границе глаза бури...

– ... И уже на территории, где охотится Безликий, – добавил Сквозняк. – Полковник, у вас есть идеи, как мы будем «мотыжить поле»?

– Есть, – ответил я и посмотрел на Зельму, которая мигом сообразила, что речь сейчас пойдет о ней и насторожилась. – Пора бы кое-кому из новичков начать доказывать мне свою гениальность. Согласен, что женщина в команде – это прекрасно и поэтично! Но мы приютили у себя фройляйн Дорф не за красивые сиськи... Вернее, не только за красивые сиськи, но и за все остальное, включая мозги, которыми, как нас уверяет Сквозняк, она тоже не обижена. Вот пусть и потрясет ими, потому что все остальное у нее пока трясется без особой пользы.

– Это есть сексизм и половой дискриминирунг, герр оберст! – заметила Зельма, криво ухмыльнувшись. Как и у нас, у нее тоже

имелся опыт работы на Ближнем Востоке, и потому по-арабски она говорила значительно лучше, чем по-русски.

– Ну разумеется! – подтвердил я. – Он самый – сексизм, оголтелый, неприкрытый и бесстыжий, как твои прелести, какими ты пыталась недавно соблазнить меня в душевой. Однако не думаю, что перед вылетом в Эмираты твой «русиш фикер» Сквозняк забыл предупредить тебя о том, с каким ублюдочным боссом тебе придется иметь дело.

– Он предупредить, – кивнула фройляйн Дорф и не удержалась от ответной шпильки: – Но раньше я иметь работа с ваша мафия и знать, чего ждать от русский уголовник.

– Ух ты, зараза! Удар ниже пояса! – осклабился Бледный и компанейски толкнул в плечо Гробика, сметающего ветошью песок с «Милки». – А ну-ка пробейте ей за это трехочковый штрафной, босс!

– У полковника стальные яйца, – пробурчал Гробик, не отрываясь от работы. И уточнил в назидание: – Нельзя бить его ниже пояса – так и руку сломать недолго.

– Отставить трехочковые, – отмахнулся я. – Если фройляйн докажет, что Сквозняк говорил о ее талантах сущую правду, пусть называет меня как ей угодно: хоть уголовником, хоть римским папой.

– Пойдите, полковник! – запротестовал

Сквозняк. – Вы что, намерены использовать Зельму в качестве приманки? Но если догадка шейха верна и возле «следа Иблиса» действительно охотится Безликий, ему совершенно без разницы, кому пускать кровь. Вы ведь отлично знаете таких людей. Если у них в приказе не оговорено, кого можно убивать, а кого нет, они убивают всех без разбору. Давайте лучше я отправлюсь в глаз бури. Так или иначе, у меня будет куда больше шансов удрать от Безликого.

– Никаких «тебя»! Ты думать, я тут и правда только сиськи трести и задница вертеть?! – возмутилась Зельма, хотя ее приятель рвался ей на замену из самых лучших побуждений. – Что вы предлагать, герр оберст?

– Сквозняк сказал, что ты окончила актерскую школу. Это так? – спросил я.

– Это так, – подтвердила фройляйн Дорф. – Легко доказать. Могу сейчас пускать вам слеза или читать монолог Джульетта.

– Только и всего? – нахмурился я. – Да тут у нас любой, даже Гробик, может заплакать, если понадобится. Не обольщайся: у меня для тебя припасена роль покруче. И если не отыграешь ее как положено, с первого выхода на сцену, переигрывать будет уже поздно...

Наша спутниковая карта была сделана до того, как на Дубай обрушилась буря, и потому

устарела, но нас она еще не подводила. Кроме песчаных наносов, других преград на шоссе Аль-Авир мы так и не встретили. По городу колесили мародеры на грузовых вездеходах и армейские патрули, хотя нам они пока не попадались. Зато попало кое-что более удивительное. Вот только находка эта была не из тех, что могли бы нас обрадовать.

Перейдя шоссе, теперь мы двигались вдоль его северной стороны. Не по обочине, а на таком расстоянии от нее, чтобы не терять из виду растущие вдоль дороги ободранные кусты и пальмы. А также – дорожные знаки, рекламные щиты и брошенные хозяевами неисправные автомобили. Лишь эти ориентиры позволяли нам не сбиться с маршрута при такой отвратительной видимости и отсутствии связи с внешним миром.

До глаза бури оставалось около полутора километров, когда Захаб передал мне и тыловой группе сигнал «Внимание! Все сюда!». На что такое любопытное он мог наткнуться, непонятно. Но раз сигнал тревоги не прозвучал, значит, нам пока ничего не угрожает.

Притаившись за съехавшим с обочины бесхозным джипом, араб-проводник указывал в сторону шоссе, на котором лежала непонятная серая куча. Мы могли принять ее за груз, упавший с какого-нибудь самосвала или тягача. И все же было

в ее очертаниях нечто такое, что заставляло усомниться в правильности этой догадки. Вот и Захаб, увидев странную кучу, не прошел мимо, а задержался, дабы обратить на нее наше внимание.

– Доннерветтер! Китайский сторож убить слона! – Зельма первая озвучила осенившую всех нас догадку.

– Не понимаю, разве можно из трех дробовиков вот так запросто уложить взрослого слона? – недоуменно любопытствовал Крупье. – Даже если стрелять, не картечью, а пулей?

– Можно, если умеючи, – ответил Гробик.

– Вот именно: «умеючи», – подчеркнул Крупье. – Но мы-то слышали, какие из тех узкоглазых придурков умельцы. Хорошо, если они со страху вообще попали в слона. Насколько я помню, раненый слон всегда бросается в бой, а убегает он только, когда сильно напуган.

– А напуганный слон очень даже мог умереть от разрыва сердца, – заметил Сквозняк. – Особенно, если перед этим долго жил впроголодь, а потом схлопотал в задницу пару-тройку пуль. Для животного из зоопарка это огромный стресс.

– Ну, мать вашу, собрались ветеринары на консилиум! – покачал головой Бледный. – Раз вы такие умные, тогда ответьте на вопрос, может ли у скончавшегося от инфаркта слона оторваться голова?

– Чего-чего? – Крупье, а за ним и остальные вытянули шеи, присматриваясь к валяющейся на дороге туше.

Я тоже только сейчас заметил, что ее силуэт выглядит как-то неправильно. Ноги лежащего на правом боку, мертвого животного были обращены к югу. Хоботу, по идее, следовало быть нацеленным туда же. В крайнем случае – на запад, если голова бегущего слона в падении развернулась вперед. Однако слоновья морда и, соответственно, хобот были направлены прямо на нас. Я, конечно, не был зоологом, но подозревал, что короткая, практически отсутствующая шея этого животного не может изгибаться под столь немислимым углом. По крайней мере сама. А, значит, кто-то ей в этом помог.

Но у кого могло хватить сил сломать хребет исполину, ведь сам он явно не сумел бы сделать это, когда споткнулся и рухнул на асфальт? Разве только тут постарался какой-нибудь водитель грузовика, что врезался в слона на полной скорости, когда он внезапно выскочил ему навстречу из песчаной завесы. Любопытно, куда потом делся этот разбитый грузовик. Мимо нас он точно не проезжал.

– Захаб, Зельма, Сквозняк и Крупье остаются здесь, остальные – за мной! – скомандовал я и, выйдя из-за укрытия, пошагал к дороге. Бледный и

Гробик, держа оружие наготове и оглядываясь по сторонам, двинули за мной. Вряд ли это была приманка – мы могли с тем же успехом плюнуть на многотонного мертвеца и пройти, не задерживаясь, мимо. Но раз мы все-таки задержались, нам не помешает потратить пару минут и выяснить, что погубило слона, ведь скрывшийся грузовик ехал как раз оттуда, куда мы направлялись.

Бледный оказался глазастее меня. Он еще издали определил, что у слона не просто свернута шея, а именно оторвана голова. Слоновья глотка была вскрыта от уха до уха настолько глубоко, что из раны торчал обломок позвоночника, а неповрежденными остались лишь задние шейные мышцы. Только они и не позволяли голове животного окончательно отделиться от тела.

Это была, пожалуй, самая огромная рана, какие мне доводилось видеть в жизни. Но кроме нее имелись и другие. Левый бок слона был разрублен с такой силой, что удар не просто проломил ребра, а рассек их напополам. Так, словно тут поработал не бампер грузовика, а огромный острый топор. Третья рана находилась возле крестца и была сделана явно тем же оружием. Оно перерубило хребет и еще на добрый метр вонзилось в тушу, отчего заднюю ее часть можно было теперь при желании отрезать обычным ножом. Слон лежал в луже собственной крови, уже запорошенной

песком, поэтому издали мы ее и не заметили. Крови было так много, что мы даже не стали приближаться к трупам – побоялись испачкать ботинки и приманить потом к нашему следу стаю одичавших голодных собак.

– М-да, грузовик тут явно ни при чем, – озадаченно проговорил я, рассматривая зверски убитого зверя.

– И Безликий тоже, – добавил Гробик, отвернувшись от слона и всматриваясь в песчаную завесу, не возвращается ли убийца.

– Кто бы это ни натворил, думаю, нам надо проваливать отсюда, босс, пока охотник не вернулся и не привел себе на подмогу приятелей, – предложил Бледный.

Мысль была здравая и своевременная, и я немедленно приказал возвращаться обратно. Мы увидели все что нам хотелось, а обсуждать это прямо здесь было чересчур опасно. Аккуратность слоновьих ран говорила о том, что их нанесли одиночными ударами тяжелым, острым предметом.

И я даже представить себе не мог, какой живодер способен размахивать тесаком весом в полтонны. Зато отлично знал, что встреча с ним не сулит нам абсолютно ничего хорошего. У нас еще оставался шанс, что слоновий палач проигнорирует нас, сочтя людишек не заслуживающей внимания мелюзгой, так же, как мы не обращали внимания на

встречающихся нам по пути крыс. Правда, надежда на это была слабой, ведь крысы не пользовались огнестрельным оружием. Мы же могли оказать неведомому живодеру сопротивление куда более яростное, чем убитый им слон. Да и не мы одни. По Дубаю разгуливало достаточно вооруженных до зубов мародеров и солдат, готовых стрелять без предупреждения во все, что движется.

Что ж, похоже, помимо Безликого у нас появился еще один потенциальный противник, с которым не стоило искать встречи. И то, что шейх не упоминал о подобной угрозе, еще ни о чем не говорит. Демир аль-Наджиб мог попросту не знать о ней так же, как климатологи не знают причин обрушившейся на Дубай бури.

В деле, где замешана аномальная хренотень, нет и не может быть точных прогнозов. Кроме, пожалуй, одного: обычным людям рекомендуется держаться отсюда подальше. Выжить здесь могут лишь жадные охотники за чужим добром да законченные адреналиновые наркоманы. Иными словами все те, кто не дорожит ни собственной жизнью, ни чужой, и потому готов без раздумий швырнуть на кон первую и отнять вторую...

Глава 2

Безликий знал, что кроме него в центре Дубая

охотится еще один хищник. Знал ли хищник о существовании Безликого? Возможно, что да – оба они к этому дню успели порядком «намусорить», оставив за собой немало присыпанных песком трупов. А вот следов своего конкурента Безликий до сих пор не находил – мешала проклятая буря, что за считанные минуты заметала любые отпечатки.

Одно Безликий определил совершенно точно: хищником был явно не человек. Но и не зверь, потому что таких зверей на Земле попросту не существует...

Безликий не знал, как его называть, и потому дал ему имя Танат. В честь древнегреческого божества смерти. Безликий предпочитал называть вещи своими именами. Там, где появлялся Танат, смерть пиროвала на широкую ногу, оставляя после себя растерзанные тела и раскуроченную технику...

В отличие от рыбаков, которые, согласно присказке, видят друг друга издалека, про охотников никто так не говорит. А особенно про охотников на людей, которые, наоборот, прилагают все усилия, чтобы на них не обращали внимания. Ничего не попишешь – профессиональный инстинкт, ведь каждый охотник... нет, не желает знать, где сидит фазан. Каждый из них уже знает, что в любой момент и он может стать жертвой другого охотника за головами. Поэтому лишь

круглосуточная бдительность, скрытность и обостренное чутье помогают ему самому не превратиться в чей-нибудь трофей.

Безликий вернулся к старой работе после долгого перерыва и больше всего беспокоился за остроту своего чутья. Мирная жизнь, какую он вел в последние годы, ослабила его инстинкты, но все же не настолько, чтобы он потерял нюх и форму. Вдобавок вместо утраченного им на прежней службе предплечья левой руки теперь у Безликого стоял высокотехнологичный протез, намного превосходящий в удобстве даже живую руку. Это была специальная модель, разработанная для спортсменов-скалолазов, которые, получив тяжкое увечье, не желают бросать любимое занятие. Живя в начале двадцать первого века, инвалид Безликий мог лишь мечтать о таком многофункциональном гаджете. Перенесшись в конец двадцать второго века, он смог позволить себе этот имплантат, по сравнению с которым его старый протез выглядел все равно что пассатижи рядом с манипулятором японского автосборочного конвейера.

Охотничьи навыки никуда не исчезли – для этого Безликому потребовался бы гораздо более длительный отпуск. Его чутье всего-навсего дремало и пробудилось сразу же, как только он нырнул в котел бури, услышал первые выстрелы и увидел изрешеченные пулями трупы.

В городе оставалось еще достаточно жителей. Сумев заpastись водой, продуктами и оружием, они забаррикадировались в домах, магазинах, офисах и иных зданиях, не желая отдавать их на разграбление мародерам. В государственных учреждениях и банках дежурила полиция и армия. Но рассредоточившихся по городу блюстителей порядка было слишком мало, а мародеры прибывали в Дубай со всего света и были практически неуловимы. Сегодня некоторые из них и вовсе обнаглели настолько, что отваживались брать штурмом даже охраняемые объекты.

Впрочем, вся эта публика и ее дела Безликого не интересовали. Ему поручили следить лишь за одной категорией людей – за теми, кто будет прочесывать с металлоискателями территорию, попавшую в глаз аномального циклона. Следить и при первой же возможности их устранять. Желательно еще до того, как эти люди достигнут своей цели.

«Они не должны найти то, что ищут, и вынести это за границы бури, – пояснил Безликому Инструктор. – Случись подобное, и глобальная катастрофа станет неизбежна. К сожалению, мы не знаем, за чем именно охотятся эти искатели. Но тебе наверняка удастся выяснить это на месте, ведь ты умеешь выбивать из противника нужную информацию, не так ли?»

Да, Безликий это умел. И сегодня, после того, как он пробыл здесь два месяца и оставил за собой достаточно трупов, он имел представление, что за «реликвии» ему поручили оберегать.

Из захваченного живьем арабского наемника удалось выбить немного, но для начала хватило и этого. Наемник не знал, кто подрядил его на эту работу – сделка заключалась через посредника, – лишь трепался о каких-то металлических пластинках величиной с ладонь. И о картинках, что на них выбиты. Большого он, к сожалению, не знал. Но прежде чем отправиться в объятья райских гурий, он оказал своему палачу еще одну услугу: подарил современный (для начала двадцать первого века, естественно) компактный металлоискатель, которого прежде у Безликого не было.

Сканнер трофейного прибора фиксировал любые металлические объекты в радиусе полусотни метров. Настроив его на обнаружение предметов нужного размера и формы, Безликий, однако, не бросился тотчас же на их розыски. Все его время уходило на подготовку ко встрече очередного противника, поэтому он просто носил включенный металлоискатель с собой. И периодически проверял, какие тот наносит отметки на вшитую ему в память карту Дубая. А поскольку охотник постоянно перемещался по всему глазу бури, отметки на карте с каждым днем прибавлялись. Ему

оставалось лишь осматривать мимоходом нужные места, но пока все сигналы оказывались ложными.

Прежде чем Безликий заполучил-таки первую пластинку, произошли два важных события: он узнал об этих вещах новую полезную информацию и впервые едва не столкнулся лицом к лицу с охотником-конкурентом.

Очередных искателей было немного – всего пятеро. Зато они высадились в глаз бури с вертолета и, в отличие от наемников-арабов, привезли с собой целую полевую лабораторию. Вертолет не стал приземляться – спокойная зона в центре циклона не внушала пилоту доверия. Спустив по фалам людей и груз, он тут же улетел, а десантники оперативно разбили неподалеку от черной аномальной «кляксы» лагерь. И, распаковав технику, приступили было к работе, но тут один из них заметил в окне ближайшего здания снайпера и поднял тревогу.

Видимость в безветренном центре циклона была нормальная и здесь, в отличие от других районов Дубая, фокусы Безликого с «куклами» срабатывали. Труп наемника со снайперской винтовкой, который он уложил в том окне неделю назад, уже начал гнить, но в итоге все-таки принес своему убийце пользу: позволил определить, с какими противниками он на сей раз имеет дело. Трое из пяти мгновенно среагировали на сигнал

тревоги и шустро рассредоточились за укрытиями, заняв выгодные огневые позиции. Двое других гостей замешкались. Ненамного, но укрывшимся товарищам все равно пришлось подгонять их криками. После чего оба нерасторопных просто попадали за ящики с оборудованием, хотя те явно не выглядели пуленепробиваемыми.

Отделив зерна от плевел – сиречь, охранников от их клиентов, – Безликий сделал вывод, что профессионализм первых выше, чем у предыдущих гостей-арабов. Практически сразу один из вояк взялся переползать с места на место, делая вид, что меняет позицию. А второй в это время без суеты улегся поудобнее, взял наизготовку винтовку с глушителем и, резко выкатившись из-за укрытия, произвел единственный выстрел. После чего моментально перекатился обратно, пробыв на линии снайперского огня от силы три секунды.

Он мог бы и не спешить, потому что уже через полторы секунды голова мертвого снайпера разлетелась гнилыми ошметками, а его винтовка вывалилась из окна и упала на газон перед домом. И тут же самопроизвольно выстрелила. Разумеется, не случайно. Безликий заранее положил ее так, чтобы она выскользнула из рук мертвеца, когда в него угодит чья-нибудь пуля. А также покопался в винтовочном механизме, лишив его парочки деталей и заставив срабатывать даже от легкого

случайного толчка.

Безликий был педант в своем специфическом ремесле. Он знал, насколько важно уделять внимание подобным мелочам, когда охотишься в одиночку на опасного, хорошо подготовленного противника. К такому близко не подберешься и по-тихому его не устранишь. Но, если постараться, ему тоже можно запудрить мозги, пока он не раскусил, что почем.

На винтовке мертвого снайпера глушителя не было, и эхо выстрела разлетелось по округе. А когда он стих, гости с удивлением обнаружили, что прикончивший вражеского снайпера их стрелок не радуется победе, а тоже лежит за своим укрытием с простреленной головой.

Как бы тихо ни стрелял оснащенный глушителем «штейр» Безликого, такой выстрел все равно мог выдать его месторасположение. Тем более когда вокруг не гремела канонада и гости прислушивались к каждому подозрительному шороху. Но учиненный охотником, отвлекающий грохот позволил ему спустить под шумок курок и устранить самого опасного противника.

Теперь нужно срочно покинуть позицию. Эти головорезы – не дураки. Глянув, в какую сторону вылетели мозги товарища, они быстро сообразят, откуда в него стреляли. После чего откроют по вероятным позициям второго снайпера беглый

огонь, бросят для прикрытия пару дымовых шашек и станут отступать к ближайшему зданию. Там, за бетонными стенами и под крышей, им будет гораздо проще держать оборону, чем на открытой местности.

Прекрасный район Лагуны – современный, светлый, просторный. Повсюду искусственные водоемы – те самые лагуны, в честь которых он назван. По меркам конца двадцать второго века – ничего необычного, но сегодня даже для богатого Дубая обстановка тут просто роскошная. В домах – множество широких окон, балконов и террас... Настолько много, что даже воюй Безликий с ротой врагов, они не смогли бы занять здесь глухую оборону, перекрыв все до единого входы и выходы. Что же тогда говорить о четырех противниках, два из которых и вовсе едва умели держать в руках оружие.

Не угодив при отступлении под ответный шквальный огонь, гости убедились, что на них охотится не отряд убийц, а всего один, максимум два стрелка. Это должно было немного их успокоить. Задымление продержится достаточно долго, чтобы они успели обустроить себе убежище. Однако завеса играла на руку не только им, но и Безликому. Он не видел отстреливающихся наугад противников, но ведь и они не видели его! Определив по шуму, когда они вломились в

подъезд, охотник, отринув конспирацию, нырнул в растекшееся по двору густое облако. И не желая нарваться на шальную пулю, стал перемещаться между теми же укрытиями, что и враг, только припадал к ним с другой стороны.

Противники воевали со снайпером, понятия не имея, насколько близко он к ним подобрался в их же собственной дымовой завесе. В подъезде дыма уже не было, и Безликий не стал входить туда сразу.

Вместо этого он присел у двери и обратился в слух, стараясь определить, когда беглецы найдут себе подходящее убежище и обустроятся в нем.

Разумеется, они предпочли пентхауз, откуда просматривались крыши, террасы и окна верхних этажей близлежащих зданий. Дома в Лагунах невысокие – в среднем по девять этажей, – и подняться на их крыши можно быстро и не запыхавшись. В пентхаузах имеются и верхние уровни – открытые террасы, – но гости побоятся соваться туда, где они опять превратятся в отличные мишени. Нет, теперь они станут осторожнее и покинут свою крепость, лишь убедившись, что им больше ничего не угрожает.

Дождавшись, когда противники оккупировали пентхауз, рассредоточились по позициям и доносящийся оттуда шум затих, охотник осторожно двинулся наверх. Вряд ли он переоценил этих

парней. А значит, они наверняка успели обезопасить подступы и заминировали подъезд. По крайней мере Безликий на их месте именно так и поступил бы.

И верно! На лестничной площадке между шестым и седьмым этажом валялась маленькая куклапупс. Ее открытые глаза таращились на Безликого, который при виде нее тут же застыл на месте. Вот она, замаскированная под детскую игрушку, «умная» мина с датчиком движения, реагирующим на крупные объекты. Идеальное оружие для устройства смертоносной ловушки при ведении городских боев. Собака и кошка пробегут мимо такой без проблем, а вот на человека или автомобиль мина сразу же среагирует. Сейчас Безликий стоял от нее в нескольких шагах, и тут ему ничего не грозило, но стоит подойти поближе – и тогда...

Конечно, это могла быть и взаправдашняя кукла, только зачем Безликому рисковать? Он умел обезвреживать многие модели мин, но не такие. Этого не позволяла их полностью закрытая конструкция. Оставался один выход: подорвать «пупса» прямо на месте. Что, разумеется, сразу переполошит противника.

Охотнику это надо?

Надо!

Безликий не заслужил бы свою одиозную

репутацию, если бы мыслил и действовал стандартно. Его отправили охотиться не на уток или кабанов, а на хищников, столь же умных, как он сам. И у него в арсенале тоже хватало средств, способных преподнести врагу неприятный сюрприз.

Безликий присмотрелся: стены на лестничной площадке отделаны мраморными панелями – то что надо! Потом зарядил в «глок» патрон с уменьшенной порцией пороха, отступил на этажный коридор и, высунувшись из-за угла, навел на куклу светящееся перекрестье коллиматорного прицела. Ослабленный патрон (идеальный боеприпас, если вам не нужно, чтобы ваши пули прошивали противника насквозь и выпускали из него лужи крови) и пистолетный глушитель сделают выстрел максимально тихим. Так что наверху вряд ли определят, что за шаркающий звук раздался за долю секунды до взрыва мины... Если, конечно, охотник не ошибся и это действительно была она.

Охотник не ошибся: рвануло на совесть. Окажись на ближайших лестничных пролетах враги, такой взрыв прикончил или вывел бы из строя их всех. Ну а так вся его ярость ушла на разгром настенной облицовки и вышибание стекол. Спрятавшийся за углом Безликий отделался лишь заложенными ушами. Что, естественно, не

помешало ему закончить начатую работу. И закончить ее нужно было чрезвычайно быстро. Не успело еще эхо взрыва разнестись по этажам, а охотник уже мчался к месту взрыва, держа в руках... Нет, уже не пистолет и не «штейр», а кое-что другое...

Как бы гости ни боялись неведомого снайпера, им следовало проверить, кого это угораздило подорваться на их mine. Оставив «клиентов» наверху, оба охранника осторожно спускались вниз, готовые открыть огонь при малейшем подозрительном движении. Фрагментов чьего-либо тела – или тел – на месте взрыва не обнаружилось. Что еще ничего не значило – труп врага могло отбросить в коридор шестого этажа. Чтобы убедиться в этом, минерам нужно было сойти на раскуроченную взрывом площадку. Молча обменявшись условными знаками, они так и сделали. Спускаться еще ниже им было необязательно. Если вражеского тела нет в коридоре за лестницей, значит, никакого вторжения и не было, а мина сработала по ошибке.

Держа пальцы на спусковых крючках, а автоматы – наведенными на двери квартир, головорезы сошли на площадку, засыпанную обломками мраморной облицовки...

... И исчезли во вспышке нового, столь же мощного взрыва!

Оставленная Безликим под куском облицовочной плиты мина работала по тому же принципу.

Только выглядела обычно – плоский кругляш, удобный для того, чтобы прятать его в любом подножном мусоре. На сей раз у охотника нашлось время, чтобы заткнуть уши, поэтому он пережил грохот без болезненных последствий. Чего нельзя сказать о его жертвах. Которые тоже вряд ли почувствовали боль – не успели, поскольку взрыв растерзал их практически мгновенно.

Два оставшихся наверху противника были не столь опасными, но Безликий все равно не намеревался переть на рожон. И, перепрыгнув через трупы, начал подниматься по лестнице столь же осторожно, как до этого его враги спускались вниз.

– Капитан Нагибин! Лейтенант Холмогоров! – раздались сверху обеспокоенные крики на русском языке. – Как вы там?! С вами все в порядке?! Что случилось?!

– Эй вы, оба!.. Хватайте аптечку и... живо ко мне! – отозвался Безликий тоже на русском, симулируя надсадный кашель. – Холмогоров... ранен!.. Быстрее, черт вас дер!

Кто были эти типы по профессии, охотник не знал. Но вновь убедился, что прежде им не доводилось бывать в подобных передрягах. Их научили мало-мальски стрелять и прятаться за

укрытия, но не избавили от легковерия – дурной привычки, что губит немало хороших людей и на войне, и в мирной жизни.

Никаких проверочных вопросов, на которые Безликий все равно не ответил бы, не последовало. Услыхав, что кто-то из их команды ранен, два этих типа схватили аптечку и без раздумий бросились ему на подмогу. Что было весьма благородно с их стороны. Жаль только, что те, кто мог бы это оценить, уже умерли, а Безликому на их самоотверженность было начхать.

Впрочем, он охотился не только за людьми, но и за информацией. А эти двое знали о железных пластинках явно побольше наемников-арабов. А поскольку от мертвецов как от информаторов проку нет, Безликому пришлось выбирать, кто из гореспасателей умрет сразу, а кто – немного попозже.

Выбор решился простейшим образом. В руках первого выскочившего на лестницу типа был автомат. В руках второго – контейнер полевой медицинской помощи. Оба они не ведали, что коварный враг уже держит двери пентхауза на мушке. И потому спустя мгновение доктор остался в одиночестве, а во лбу его товарища появилась аккуратная дырка – симптом смертельной болезни, против которой медицина была бессильна.

Опешивший доктор застыл на месте, даже не

подумав схватить упавший неподалеку от него автомат погибшего соратника.

– На пол! Лицом вниз, руки за голову! – скомандовал быстро излечившийся от кашля, ложный капитан Нагибин.

Повторять не пришлось. Пленник беспрекословно подчинился и плюхнулся на лестничную площадку. Подойдя к нему, охотник оттолкнул ногой оружие, до которого тот мог дотянуться, упер глушитель «штейра» ему между лопаток и продолжил:

– Не вздумай открывать рот, пока я не задам тебе вопрос. Одно лишнее слово, и я выстрелю. Ответишь правильно на все вопросы – останешься жить. Соврешь – я выстрелю. Тебе понятно?.. Эй, это был первый вопрос!

– Да-да, я все понял, – отозвался доктор. И, повинувшись приказу, сразу же прикусил язык.

– *Do you speak English?*

– *Yes, of course!*

– *Okey!* – И Безликий перешел на английский. – Говори четко и ясно – я веду запись... Кто ты такой и как тебя зовут?

– Я – Леонард Понаровский, младший научный сотрудник и квестер Центра Изучения Катастроф.

– Ты и твоя команда прибыли сюда изучать катастрофу или тоже искать проклятые железки? –

Безликий сделал ударение на слове «тоже».

– И т-то, и д-другое! – Голос Понаровского предательски дрогнул, но дознаватель счел и этот ответ правдивым.

– Вы опоздали, – заявил он, внимательно наблюдая за реакцией пленника. – Я уже нашел все пластинки и перепрятал их. Если бы вы не разбили лагерь рядом с моим тайником, я бы вас не тронул. К сожалению, вы мне помешали, и я был вынужден вас уничтожить.

Понаровский судорожно сглотнул и испуганно покосился на стоящего над ним человека с оружием. Однако вместе со страхом во взгляде Леонарда было нечто, похожее на любопытство. И оно тоже не ускользнуло от внимания Безликого.

– Ты хочешь задать вопрос? – поинтересовался он.

– Д-да.

– Спрашивай.

– Сколько п-пакалей в-вы нашли?

Пакали – вот как, значит, называются эти железяки! Наемник-араб говорил, что их должно быть несколько. Сколько именно, он понятия не имел. Знает ли это квестер Понаровский? Возможно, он ведь ученый. Но если задать ему встречный вопрос, а сколько пакалей должно здесь быть, он смекнет, что Безликий знает о них слишком мало, и наверняка начнет врать.

Чтобы добиться правды, Безликому нужно блефовать и убедить пленника, что он в этом вопросе тоже не лыком шит.

«Несколько» – понятие растяжимое, но не намного. В общепринятом понимании оно охватывает диапазон чисел от трех до семи-восьми. Но будь пакалей семь или восемь, Безликий, уже наверняка отыскал хотя бы один из них. А он, проверив достаточно мест, до сих пор оставался ни с чем. Стало быть, пластинок совсем немного: три или четыре... Пусть будет четыре. Для верности.

– Я собрал все четыре пакаля, – ответил охотник. – Не повезло твоему ЦИКу – только напрасно погубил людей.

– Четыре?! – Квестер удивился, но недоверия в его глазах не возникло. Названное Безликим число оказалось выше того, какое надеялся услышать Понаровский, но палку охотник не перегнул. И не стал наказывать пленника за невольно брошенное слово, поскольку тот вовремя опомнился и замолк.

– Хочешь задать новый вопрос – задавай, – снова разрешил Безликий, видя, что ученому не терпится поинтересоваться у него о чем-то еще.

– А в-вы не могли бы д-дать мне хотя бы взглянуть на в-ваши пакали? – воспользовался полученным шансом чудом выживший счастливчик.

– Исключено! – отрезал охотник. – Еще вопрос?

– А к-какого цвета ваши п-пакали? И к-картинки... Какие на них к-картинки?

– Я, кажется, сказал: один вопрос, а не два! – сострожился Безликий. Пленник вздрогнул и, вжав голову в плечи, крепко зажмурил глаза, явно решив, что сейчас последует неминуемое наказание...

Но дознаватель не выстрелил. Он принял оба вопроса и теперь его мысли были заняты ими. Если продолжать блефовать грамотно, можно угодить в точку и здесь. Хотя, конечно, это будет сложнее.

Про цвета пакалей араб-наемник не упоминал. Да и про картинку сказал мало: они, мол, выдавлены на пластинках и очень похожи на те, что нарисованы на стенах доисторических храмов. Да, с картинками проще – фантазия у художников той эпохи была небогатая. А вот как быть с цветами... Пакали металлические и, судя по всему, очень древние. Любая краска с них давно бы слезла и цвет у них мог быть только естественный. Цвет металла. Но раз выходит, что цветов много, следовательно, пластинки сделаны из разных материалов. И они не покрыты слоем окисла, потому что тогда Понаровский вообще не спрашивал бы о цвете – зачем? А какие самые распространенные цвета у металлов, не подверженных окислению?

– У меня два желтых и два белых пакаля, –

ответил Безликий. – На желтых изображены стебли тростника и ваза, на белых – перекрещенные жезлы и человек с головой собаки. Вы планировали найти именно эти пакали?

– Ну, мы как всегда рассчитывали на большее, хотя пара желтых и пара белых – это тоже неплохо, – Квестер снова не был озадачен или изумлен. Наоборот, он был даже слегка разочарован. Дознаватель нашел много пакалей, но все они были, похоже, не самой удачной масти. Про картинку Леонард и вовсе не заикнулся – очевидно, ценность пакаля определяли не они.

Что ж, Безликого такой расклад вполне устраивал. Понаровский был обычным человеком, а не шпионом, и все его мысли были написаны у него на лице. Если бы охотник, блефуя, переступил границы разумного, он сразу понял бы это по эмоциональной реакции пленника. И того пришлось бы убрать, ведь тогда ложь Безликого была бы раскрыта и его план терпел фиаско. Однако, скормив Леонарду правдоподобные сведения, он создал себе полезного союзника, готового закинуть дезинформацию в лагерь его нового врага.

Вернувшись в Центр, квестер доложит о гибели группы и о человеке, который ее уничтожил. Этот человек также утверждал, что он отыскал в Дубае все пакали, говорил по-русски, но тем не менее вел запись допроса Понаровского на

английском языке.

Сочтет ЦИК слова Безликого правдой или нет, неизвестно. Но он подкинет уйму работы тем, кто будет расследовать дубайский инцидент. И Центр трижды подумает, надо ли посылать сюда новую поисковую команду, если велика вероятность, что пакалей здесь больше нет. А чем меньше у «кляксы» ошивается народу, тем проще Безликому делать свою работу. Но если он не отпустит Леонарда восвояси, в Дубай скоро нагрянет новая группа Центра, и охотнику придется все начинать сначала.

Но это случится позже. А сейчас не помешает подробно расспросить пленника об этом самом ЦИКе, чтобы понять, с кем вообще Безликий имеет дело...

Об олигархе Кирсанове он прежде никогда не слышал. Да и сам Понаровский знал о своем шефе немного. Секретность в Центре соблюдалась строгая, не хуже, чем на режимном военном объекте. Квестеры, вроде Леонарда, подобно Безликому, знали лишь то, что им положено знать в рамках своих полномочий. И все же о страсти Кирсанова к пакалям были наслышаны все, кого это так или иначе касалось.

Вряд ли здесь имела место обычная страсть, присущая заядлому коллекционеру древностей. Кирсанов наверняка знал об этих артефактах нечто

такое, чего не знали рядовые квестеры, вроде Понаровского. Например, сколько вообще пакалей существует в природе, кто их создал и разбросал по свету, и что произойдет, если собрать их все. А также – кто такие «серые» и что они забыли в нашем мире.

Услышав про «серых», Безликий вспомнил Инструктора, одетого в нелепый серый комбинезон, и решил, что речь идет о нем и о таких, как он. И раз охотник работал на этих людей, стало быть, для Леонарда и ЦИК он тоже должен считаться «серым».

Любопытное открытие! И не только любопытное, но и практичное, ведь эту информацию также можно употребить на пользу дела.

– Мы предполагали, что вам известно о «серых» гораздо больше, – заметил Безликий, переходя к очередной стадии своего блефа.

– Кому это – «вам»? – осведомился пленник, поняв по подобрешему тону дознавателя, что теперь можно задавать вопросы без разрешения.

– А сам не догадываешься? Думаешь, я рассказал тебе о своих пакалях просто так, от нечего делать?

– Так вы – один из «серых»? – Вот теперь квестер удивился по-настоящему, почти до отпада челюсти. – Но... кто вы на самом деле такие и

какую цель преследуете?

– Ваш ЦИК слишком рьяно взял быка за рога, – солгал охотник. Инструктор не ограничивал его «творческую свободу», сказав, что он может выдавать себя за кого угодно, хоть за Господа Бога. Так почему бы ему и впрямь не побыть для квестеров «серым», чья зловещая репутация сыграет ему только на руку. – Кирсанов думает, что обладает могуществом. На самом деле это не так. Сегодня мы преподали ему небольшой урок на будущее. Пусть поумерит пыл, если не хочет, чтобы подобная участь ожидала каждую его экспедицию... А теперь, как я и обещал, можешь проваливать на все четыре стороны. Но помни – пока ты здесь, я буду все время держать тебя на мушке. Так что, если вздумаешь искать мой тайник – пеняй на себя...

Понаровский не мнил себя героем. Вернувшись в лагерь, он выпустил в воздух ракету с аварийным радиомаяком – на высоте трехсот метров связь уже действовала, – и через полчаса за ним прилетел вертолет. Пилот опять не рискнул садиться и решил поднять выжившего квестера и оборудование на борт с помощью лебедки. Забирать тела у Леонарда не было ни сил, ни времени, а помощников для этого ему не прислали.

Странные порядки, но Безликого они не удивили. Он и сам не был уверен, что в случае его

гибели кто-то станет разыскивать его труп. Впрочем, он всю свою жизнь проработал в подобных условиях и даже находил их по-своему справедливыми. Они позволял рассчитывать исключительно на свои силы, быть предельно бдительным и сконцентрированным. И то, что Безликий до сих пор жив, являлось лучшим доказательством того, что его методика выживания работала.

Однако прежде чем вертолет улетел, случилось происшествие, которое едва не сорвало планы и Понаровского, и Безликого.

Охотник наблюдал за эвакуацией квестера с террасы одного из зданий, опасаясь, как бы с вертолета не высадилась еще одна десантная группа. Леонард как раз опралял наверх последний контейнер, когда Безликий заметил на крыше соседнего здания какую-то тень. Она была слишком крупной для человека и двигалась очень уж странно. Совсем не по-человечески, а, скорее, как...

Но не успел охотник толком приглядеться, как тень рванула к краю крыши и бросилась вниз... Хотя нет, неверно: сначала она полетела не вниз, а, оттолкнувшись, взмыла вверх и понеслась по воздуху прямо на зависший неподалеку от здания вертолет. И неминуемо врезалась бы в него, окажись он на пару метров ближе. Впрочем, для такого прыгуна погрешность была незначительной

– при своих габаритах он ошибся в расчетах всего на чуть-чуть.

Пролетев под вертолетным хвостом и едва не задев трос с грузом, он рухнул вниз и нырнул в поднятое винтокрылой машиной пылевое облако.

Приземление массивного тела заставило содрогнуться даже здание, на котором засел Безликий. Вот только вряд ли загадочный прыгун при этом пострадал. Охотник видел, как его окутанная пылью тень метнулась в сторону и исчезла в пространстве между домами. Двигалась она при этом так же проворно, как на крыше, а быстрота и грация ее движений были сравнимы с кошачьими.

– Ну, здравствуй, Танат! Вот и свиделись! – прошептал Безликий, ощущая, как по коже у него бегут мурашки. Подсознательно он всегда был готов к этой встрече, но не думал, что она состоится именно здесь и сейчас.

За те несколько секунд, что Безликий наблюдал за прыгуном, тот все время находился в движении и был скрыт пылевой завесой. Поэтому охотник видел Таната очень смутно – как будто призрака, промелькнувшего у него перед глазами при свете дня. Но не какое-нибудь мелкое безобидное привидение – это был настоящий исполин, что мог бы служить гончей у самой Дикой охоты. Впечатляющая длина его прыжка давала

понять, что у него крепкие конечности, но их Безликий рассмотреть не успел. В памяти отложилось другое: длинный и гибкий хвост. Не такой, как у тигра или мартышки, а больше напоминающий хлыст, на конце которого имелось плоское расширение, похожее на грудной плавник рыбы или наконечник глефы. Хвост Таната был длиннее его тела раза в полтора и не напоминал бесполезный рудиментарный придаток. Напротив, он производил впечатление весьма грозного оружия, которое его владелец пускает в ход наравне с когтями и клыками.

Пилот и квестер также не проморгали атаку гигантского существа. И встревожились гораздо сильнее залегшего в укрытии Безликого. Заметив угрозу, пилот рванул рычаги управления и, уводя машину с линии атаки, развернул ее на сто восемьдесят градусов. Контейнер закачался на тресе, но он был не настолько тяжел, чтобы нарушить равновесие вертолета. Леонард внизу ударился в панику: заметался, заорал и замахал руками, требуя, чтобы помощник пилота поскорее разобрался с грузом и спасал его. Пускай приземлившийся неподалеку Танат не обратил на него внимания, все же Понаровский изрядно перетрусил и теперь боялся, что хищник вернется.

«Так вот, оказывается, в чем дело! Техника! – внезапно осенило Безликого. – Танат не охотится на

людей – его интересует только техника! Вернее, крупные движущиеся или летающие объекты. Лишь они кажутся ему достойным трофеем. А люди – это лакомая начинка, что скрывается внутри жертвы. Вот почему там, где пировал Танат, помимо растерзанных трупов всегда есть раскуроченные автомобили. По крайней мере, я ни разу не видел, чтобы он убивал пешех мародеров или солдат. И если эти чертовы квестеры не поторопятся, им несдобровать. Танат промахнулся, но его охота явно не закончена. Таких хищников, как он, промахи только раззадоривают и злят».

Безликий не ошибся и Понаровский паниковал не напрасно. Хищник объявился довольно скоро – едва поднятый на борт вертолета груз отцепили от троса. Стараясь не проморгать опасность, пилот теперь медленно вращал машину вокруг винтовой оси, держа под наблюдением крыши ближайших зданий. А Танат, похоже, все это время наблюдал украдкой за действиями пилота. И вновь выбрался на крышу – на сей раз другую, – когда тот развернул вертолет к нему хвостом.

Понаровский не мог заметить угрозу с земли. Даже Безликий со своей позиции видел лишь верхушку спины готовящегося к прыжку монстра. Однако вертолетный радар обнаружил крупный движущийся объект, и пилот начал поспешно

уводить машину в противоположную сторону. Леонарду пришлось бежать вдогонку за спущенным тросом и также на ходу пристегиваться к нему. Едва квестеру это удалось, как вертолет тут же задрал хвост и круто взмыл вверх, не дожидаясь, когда пассажир будет поднят на борт. Леонард так и болтался на тросе под брюхом вертолета, словно наживка на леске, когда тот умчался на недостижимую для Таната высоту и, взлетев над бурей, взял курс на юг, в сторону Абу-Даби.

Танату не повезло и во второй раз. Но он решил сохранить достоинство и не стал бросаться впопыхах за убегающей жертвой. Безликий не сводил глаз со здания, на которое взобрался конкурент, уповая на то, что он покажется целиком... Безликому тоже не повезло – хищник не подошел к краю крыши, предпочтя убраться с нее тем же путем, каким он туда залез. Верхушка его спины – вот и все, что успел рассмотреть охотник. Можно сказать, ничего. Но в целом пищи для размышлений собрано предостаточно. Теперь он имел представление о габаритах, физических возможностях и потенциальных жертвах конкурента... Хотя, почему «конкурента»? Разве Танат не облегчал ему задачу, выводя из игры их общих противников? Другой вопрос, как он поступит с Безликим, если столкнется с ним однажды на узкой тропинке... Впрочем, Безликий

техникой не пользовался и мог свести вероятность такой встречи к минимуму.

Танат был не первым и даже не самым опасным аномальным существом, с какими Безликий сталкивался в жизни. Но как бы то ни было, искушать судьбу, попадаясь на глаза такому зверю, охотник не собирался. И решил отлежаться в укрытии еще немного, дабы убедиться, что хищник не рыщет вокруг «кляксы» и не метит свою территорию.

Однако, едва за вертолетом улеглась пыль, как возле аномалии появился третий за сегодня после ЦИКа и Таната гость. В какой момент он тут нарисовался, Безликий не заметил. Глянув на крышу, где недавно побывал Танат, он опустил глаза вниз и обнаружил на месте высадки квестеров... Инструктора! Одетый в свой обычный серый комбинезон, он как ни в чем не бывало сидел на земле рядом с «кляксой», обратив скрытое непроницаемой маской лицо точно на позицию Безликого.

Инструктор не подавал никаких знаков, но было очевидно, что для него не секрет, где прячется страж пакалей. Зато для стража визит «серого» стал такой же неожиданностью, как и появление на сегодняшней «вечеринке» Таната. Да, Инструктор предупреждал, что он сам разыщет своего подопечного. И все же профессиональная гордость

Безликого была уязвлена тем, что его укрытие оказалось так легко вычислено.

Безликий не стал проверять, когда у Инструктора закончится терпение, и, покинув террасу, спустился вниз. После чего, уже не таясь, вышел к новому гостю, выбравшему, честно говоря, не самое удачное место для встречи.

– Давненько не виделись, Инструктор, – заметил охотник вместо приветствия. – Или мне лучше называть тебя «серым»?

– Называй как угодно, – невозмутимо ответил тот. – Определения – это всего лишь слова. Для меня гораздо важнее то, что за этими словами стоит. Ты неплохо преодолел первый этап работы: изучил расставленные на доске фигуры, отразил сделанные ими первые ходы и вывел цель игры.

Надо признать, я в тебе не разочарован.

– Если ты такой всемогущий, что можешь наблюдать за всеми моими действиями в «прямом эфире», почему бы тебе просто не подключить ваши технические ресурсы для непосредственного наблюдения за противниками? – поинтересовался Безликий. – Тем более что их техническое оснащение и близко не чета вашему. В чем смысл подобного ретроградства: иметь возможность установить вокруг объекта современную охранную систему, но вместо этого привязать к нему на цепь обычного сторожевого пса? Выходит, вы меня

обманывали, и на самом деле ценность пакалей не так уж высока?

– О чем ты говоришь – конечно, они для нас очень важны! – запротестовал Инструктор. – Просто тебе нужно научиться мыслить шире. И уразуметь бессмысленность такого понятия, как ретроградство, когда дело касается пространства и времени. Вопрос не в методах как таковых – вопрос в их уместности на определенном этапе или уровне игры. Если ты приобрел себе в хозяйство пистолет для забивания гвоздей, это еще не значит, что нужно выбросить на помойку дедовский молоток. Если в нашем распоряжении есть мощные технологии, это не значит, что мы должны отказаться от примитивных способов достижения своих целей. И только тебе, а не твоему молотку решать, каким способом забивать тот или иной гвоздь.

– Но вы, «серые», могли бы облегчить мне задачу и сразу рассказать о пакалях, о том, что тут замешан некий ЦИК, и о той огромной твари, которая охотится в Дубае за техникой. Или станете утверждать, что вы обо всем этом ничего не знали?

– Знали, конечно, – подтвердил «серый». – Однако не забывай: ты рисуешь чертеж, у которого есть еще одна, дополнительная шкала измерений. И любое, даже малейшее отклонение от нее также недопустимо. Вся информация, какую ты

добываешь или получаешь от нас, попадает к тебе в строго определенное время. Ни раньше, ни позже. Таковы условия твоего задания. И раз уж ты согласился с ними, будь добр играть по правилам... Впрочем, я здесь не за тем, чтобы напоминать тебе о них. Ты выжил, а, значит, по итогам первого этапа работы тебе полагается поощрение. Видишь мусорную урну возле той пальмы? Загляни-ка под нее.

– И что я должен там обнаружить?

– О, поверь, тебе это понравится, – уклонился от прямого ответа Инструктор.

Безликий терпеть не мог подобные экивоки, особенно, когда не доверял своему нанимателю. А вдруг тот, добыв с его помощью все необходимые данные, решил устранить более ненужного исполнителя, замаскировав под награду взрывное устройство? Хотя, с другой стороны, к чему такие сложности? Желай Инструктор Безликому смерти, он бы просто материализовался из воздуха за спиной жертвы, всадил ей пулю в затылок и снова исчез, затратив на все про все не больше секунды.

Охотник холодно глянул на скрытое маской, лицо собеседника, затем извлек металлоискатель и проверил собранную им информацию. В радиусе пятидесяти метров обнаружился всего один объект, похожий на пакаль. И находился он – надо же, какое совпадение! – именно там, куда указывал

Инструктор.

– Так вот, значит, о чем идет речь, – проворчал Безликий. – Что ж, спасибо за подарок. И впрямь, давно пора взглянуть, из-за чего разыгрался этот ваш пространственно-временной сыр-бор...

Вытащенный из-под урны пакаль был сделан из серебристо-матового металла, больше похожего не на серебро, а на хорошо отшлифованный алюминий. Так что тут Безликий отчасти сказал квестеру правду: один белый пакаль у него теперь есть. А вот с символом он не угадал. На пакале были изображены вовсе не перекрещенные жезлы и не человек с головой собаки, а рука в латной железной перчатке-краге, сжимающая обоюдоострый кинжал.

Или это вовсе не перчатка? Безликий посмотрел на свой протез, на котором в специальном зажиме был также закреплен кинжал. Если его отстегнуть и зажать в протезном кулаке, сходство с картинкой выйдет более чем очевидное.

Любопытно, что это: несущее в себе скрытый смысл послание, ироничная насмешка «серых» или всего-навсего совпадение? Охотник перевел взгляд на Инструктора, но поди определи, что написано на его спрятанном под маской лице. Можно, разумеется, не гадать, а просто спросить, да только ответит ли?

– Это должно что-то для меня значить? –

осведомился Безликий, развернув пакаль картинкой к собеседнику.

– Возможно, да. Возможно, нет. Кто знает... – пожав плечами, неопределенно ответил тот. – Впрочем, кроме награды тебе полагается и кое-какой бонус... Дай-ка сюда металлоискатель.

Безликий протянул ему прибор и хотел предупредить, чтобы он случайно не сбил настройку или не стер нужную информацию, как по закону подлости именно это и случилось! Едва металлоискатель оказался в руках Инструктора, по дисплею сразу побежали помехи, и он погас. А когда через несколько секунд вновь заработал, карта на нем была девственно чистой. Отметки, что наносились туда всю последнюю неделю, исчезли! И теперь, чтобы восстановить информацию, Безликому снова придется прочесывать Лагуны вдоль и поперек.

– Вот спасибо, удружил! – заметил он, стараясь не показывать вида, что готов прикончить «серого» на месте. – И впрямь, всем бонусам бонус! Век не забуду твою щедрость!

– Упс! Проклятье, какой же я неловкий! – выругался Инструктор, но вместо испуга или сожаления в его голосе звучали насмешливые нотки. Вот как, значит? Да неужто он, паскуда, нарочно похерил результат многодневных трудов охотника?! – Да ладно, расслабься – все в порядке.

Вообще-то, тебе не злиться на меня надо, а, наоборот, спасибо сказать.

– За что?

– За генеральную уборку твоего архива от мусора. И еще вот за это. – Инструктор уменьшил на дисплее масштаб карты и аккуратно, одна за другой, поставил на ней две новые отметки. Одна из них находилась в границах глаза бури, а другая – далеко за его пределами.

– Надо полагать, в этих местах я отыщу остальные пакали? – догадался Безликий.

– Правильно, – подтвердил «серый». – Ты почти угадал их количество в дубайской зоне. Вот за это мы и премируем тебя бонусом – указываем точное месторасположение двух оставшихся артефактов.

– Но один из них слишком далеко отсюда. А я все это время по твоему приказу охранял территорию вокруг «кляксы», – напомнил охотник. – Где гарантии, что этот пакаль еще не найден и не вынесен из Дубая?

– Таких гарантий нет, – развел руками Инструктор. – Я даже не могу гарантировать, что и второй пакаль все еще лежит там, где я указал. Чтобы убедиться в этом, тебе придется проверить каждую из двух точек. И, раз уж ты теперь в курсе, что именно оберегаешь, можешь поступать с найденными пакалями по своему усмотрению.

Оставь их на местах, перепрячь, носи с собой...
Делай все, что угодно, лишь бы они по-прежнему находились в границах бури.

– Звучит неплохо, – удовлетворенно кивнул Безликий. – Однако что-то подсказывает мне: не все здесь так гладко, как ты расписываешь. В чем подвох?

– Подвох? – «Серый» рассмеялся. – Никакого подвоха! Все по правилам, как в спорте. За два месяца ты хорошо потренировался и вошел в прежнюю форму. Заодно дал понять своим противникам, что им тоже нелишне подкачать мускулы. Так что готовься: со дня на день в городе объявятся действительно крупные хищники.

– Крупнее той хвостатой твари, что охотится за автомобилями? Зачем, скажи на милость, она тебе здесь понадобилась?

– Почему ты думаешь, что я имею отношение к ее появлению?

– А кто же еще? Ты выдернул меня из две тысячи сто девяносто восьмого года, так? Стало быть, тебе также по силам забросить сюда хищника из хрен знает каких доисторических эпох.

– Что ж, логичная теория. Но я пока воздержусь от комментариев, ладно? А тебе советую пойти и заняться теми хищниками, чьи цели и повадки ты знаешь гораздо больше. Можешь быть уверенным: их стая наверняка уже где-то

поблизости...

Глава 3

– До сих пор не возьму в толк, почему журналисты окрестили вас Грязным Иродом, босс, – сказал Бледный, не отрываясь от бинокля, в который он разглядывал раскинувшийся перед нами район Лагуны.

– Не понимаю, что именно тебе непонятно, – отозвался я. – Даже церковный Патриарх, помнится, заявил в телепроповеди, что полковника Родиона Грязнова этим позорным прозвищем нарек сам Господь Бог. И что теперь мне носить это несмываемое клеймо до самой смерти. Так что все вопросы не ко мне, а к Всевышнему. Раз это была его идея, то пусть он за нее и отвечает.

Я и Бледный затаились под маскировочными накидками на крыше ангара, что стоял на северном краю глаза циклона. Один край этого вытянутого в длину на добрых полкилометра строения терзала буря. Другой находился уже на безветренной территории – погожем островке посреди ревущего песчаного шторма. Плоская крыша тоже была засыпана долетающим сюда песком. Он успел запорошить и наши накидки, поэтому разглядеть нас здесь было практически невозможно – два мелких песчаных наноса среди множества

подобных им кочек...

– Раз так, значит, это не у журналистов, а у Всевышнего проблемы с грамотностью, – рассудил Бледный. – Вообще-то, Грязный Ирод – это ведь, как ее... тавтология. Ну, типа «глупый дурак», «мокрая вода», «лживый политик»... Грязный Ирод! Как будто бывают на свете чистые и непорочные ироды!

– Непорочных не бывает, но один Великий в наши ряды затесался, – заметил я, изучая в бинокль свой наблюдательный сектор. – Тот самый иудейский царь, который потом это имя скомпрометировал. Впрочем, титул Великого у него никто не отнимал, а такое прозвище заслужить гораздо труднее, чем Детоубийца. Я о нем в тюрьме читал – со жратвой там дерьмово было, зато библиотека имелась хорошая... Короче говоря, суровый был царь Ирод Великий, но правильный. Храмов, дворцов, цитаделей, амфитеатров, портов за свою жизнь уйму понастроил. С римлянами знался, всякие цивилизаторские штучки у них перенимал. Однажды, после крупного неурожая, обменял свои личные запасы золота у египтян на хлеб, чем страну от голода спас. Но стоило человеку на почве прогрессирующего старческого маразма придушить парочку своих сыновей и десяток младенцев в придачу – хотя про последних бабушка еще надвое сказала, – и все прошлые

заслуги коту под хвост! Такова она, двуличная любовь родного народа. Одной рукой он запихивает в рот подаренный тобой хлеб, а другой швыряет в тебя камни... Внимание: вижу движение на одиннадцать часов. Крыша дома с вышкой сотовой связи!

– Отбой, босс! Это обычная газета. Зацепилась за антенну и ветер ее треплет... Кстати, в новостях также сообщали, будто в тюрьме вы уверовали в Бога, раскаялись в содеянных грехах и днями напролет замаливаете их. Так, якобы, утверждал тюремный священник, отец Пилигрим или как его там?..

– Питирим... И что, ты серьезно поверил в эту чушь?

– Нет, конечно. Я еще не настолько отупел, чтобы доверять священникам. Просто об этом трепались по всем официальным каналам.

– Ну, в стране, где действия военной разведки стали всерьез рассматривать с точки зрения общественной морали и нравственности, порасскажут и не такое... Сам посуди: это с какой силой мне надо было треснуться головой о нары, чтобы начать откровенничать с человеком, который поступил в духовную семинарию и стал моралистом лишь потому, что ему девки не давали? Да если бы этот Питирим выслушал мою исповедь, он потерял бы дар речи еще до того, как я добрался

до самых интересных фактов своей биографии. По-моему, это мне стоило бы поучить его жизни, а не наоборот. Хотя, если бы у меня и возникло желание покаяться, то только в одном: тогда, после операции «Зоопарк», я должен был удрать за горизонт вместе с вами, а не возвращаться в штаб, надеясь, что идущий оттуда, тухлый запах мне померещился... Погоди, ты что, считаешь, что мне действительно не помешало бы пройти курс психотерапии и излить кому-нибудь душу?

– С чего бы вдруг, босс?

– Вот и я о том же, майор...

... Все было очень просто. После того, как Грязный Ирод, утратив популярность, сошел с первых полос и телеканалов, журналисты решили «перезагрузить» тему и сделали из меня раскаявшегося злодея. Публика обожает душещипательные повороты скандальных историй, которые можно обсуждать в обеденные перерывы на работе, на перекурах и в сетевых блогах. И кому какая разница, что на самом деле я не признавал свою вину и не намеревался делать этого впредь? На скучной правде рейтинги не поднимешь и денег не зарабатываешь...

Пересказывать Бледному эту историю не было нужды. Он следил за ней из Берлина, где залег на дно, дабы переждать информационную бурю. Ту самую, что погубила наши служебные карьеры, а

меня, вдобавок ко всему, уpekла в тюрьму на пожизненный срок.

Весь этот скандал стал фарсом сразу, как только командование допустило утечку видеоданных об операции «Зоопарк» в Интернет и было вынуждено публично от нас откреститься. А дальше от моего мнения уже ничего не зависело. Да его никто и не спрашивал. Разве что на суде мне дали произнести короткое последнее слово, да и его показали затем по телевидению в сильно урезанном и отредактированном варианте.

Весь мир негодовал, просматривая некогда засекреченные видеоролики, где палачи в масках сначала душат одного юного араба, а затем пытаются другого на глазах его отца – известного сирийского бизнесмена и политика. И никто не распознал бы под платками-шемагами лица оперативников русской разведки, если бы мы не выбивали из пленника сведения о заказчиках предотвращенных накануне в России, крупных терактов.

Что бы сказала о наших зверствах общественность, если бы те взрывы все-таки прогремели, неизвестно. Но не случившиеся теракты и их исполнители ее мало интересовали. Подумаешь, нашла ФСБ три грузовика со взрывчаткой и арестовала два десятка подозреваемых! Вот если бы эта взрывчатка снесла три квартала и пролились реки крови, тогда –

другое дело, а так... Не зря же в среде журналистов бытует мнение, что хорошая новость – это плохая новость. А кого могут по-настоящему взволновать репортажи, в которых ничто не взорвалось и никто не умер?..

Короче говоря, стать героями, вершащими праведное возмездие, нам не удалось. К тому же масла в огонь подлило бесследное исчезновение того самого бизнесмена и его сыновей, о чем ближневосточные СМИ сообщили за неделю до появления в Сети ролика, компрометирующего нас. Тут уж нам было подавно не отвертеться. Ну а третий, самый тяжкий удар ожидал нас по возвращении на родину. Отчаянно спасая честь страны и собственную репутацию, Ведомство полностью откестилось от операции «Зоопарк». После чего официально объявило о том, что группа полковника Грязнова давно дезертировала со службы, сбежала из России и подрядилась работать на разведку одной из арабских стран. И что это по ее заданию Грязнов со товарищи устроили провокацию: убили трех сирийцев, записали это на камеру и выложили видео в сеть. За тем, чтобы опозорить свою бывшую родину и ее доблестные спецслужбы, которым, конечно же, всегда было чуждо подобное варварство.

Что за «крот» слил в Интернет видеопротокол допроса высшей категории секретности, нам

сегодня уже не узнать. Но сделано это было весьма оперативно. И как раз тогда, когда мы, завершив операцию, отсиживались в горах на сирийско-турецкой границе. В этой глуши у нас был всего один источник информации – ведомственный спутник. Мы могли связаться с ним лишь в определенное время суток – когда он пролетал над Ближним Востоком. Новости по нему тоже передавали, но в сжатом и тщательно отфильтрованном виде.

И тех новостей, которые касались разгорающегося вокруг нас скандала, мы, разумеется, не услышали.

В условленный день и час Ведомство должно было устроить нам «окно» для перехода через границу. Процедура несложная. Мы проделывали ее не впервые, и прежде у нас не возникало здесь проблем. Однако на этот раз нам приказали идти не обычным, а запасным маршрутом. И не поодиночке, удерживая между собой большую дистанцию, а сразу группой.

Последняя деталь меня и смутила. Резервный маршрут был не так надежен, как основной. На нем встречалось меньше укрытий и больше узких, выветренных ущелий, где можно было легко захватить всю группу целиком. У Ведомства могла найтись масса причин заставить нас так рисковать – возможно, на сей раз что-то не склеилось и нам

выделили слишком узкое «окно». Но именно в это время над нами должен был висеть наш спутник. А, значит, мы находились под бдительным надзором командования. И оно сразу же пошлет нам сигнал тревоги, если в этом районе начнется подозрительная активность.

У меня не было поводов не доверять штабным координаторам. Однако оперативники со стажем, вроде меня, прежде всего прислушиваются к своему чутью. И только потом – ко всему остальному. Этому нельзя обучиться в разведшколе. Чутье приходит с годами и опытом, а он у каждого свой. И удачный, и неудачный. Оттого и чутье у нас разное. И не факт, что в одной и той же критической ситуации мы поведем себя одинаково.

Что бы там ни говорило Ведомство, чутье подсказывало мне: когда планы радикально меняются, это не к добру. Но когда они безо всяких предпосылок вдруг меняются в самый последний момент, тут явно что-то нечисто. Даже если тебя извещают об этом в официальном приказе.

Распоряжение о смене маршрута и порядке его прохождения исходило из штаба, и я не имел права его проигнорировать. Ведомство ждет от меня отчет об операции, и я должен явиться на доклад как можно скорее. Но если «окном» воспользуется не вся группа, а только ее командир, это не будет грубым нарушением приказа. По

крайней мере, я всегда выдумаю вескую причину, по какой мне пришлось оставить своих людей по ту сторону границы. А за их судьбу можно не беспокоиться. Все они обучены подолгу скрываться в тылу противника и группой, и поодиночке, даже не имея связи с командованием. Конечно, меня за это не похвалят, но и к ответственности не привлекут. В полевой обстановке я волен действовать по обстоятельствам, а они могут измениться в любую минуту.

«Вы думаете, это подстава?» – спросил меня Бледный после того, как я велел ему и остальным оставаться на месте и быть на связи.

«Не думаю. С какой стати? – ответил я, поскольку в упор не видел причину, зачем вдруг Ведомству загонять нас в ловушку. – Но что бы там ни было, вам туда лучше пока не ходить. Даже если мы где-то напортачили, отдуваться за это предстоит мне, а не вам. И если вас при этом не будет в штабе, все мы от этого только выиграем, ведь тогда нам не придется свидетельствовать друг против друга. Пускай при разборе полетов штабисты слушают одну историю – мою, – а не пять».

Впервые за свою карьеру я искренне желал, чтобы на сей раз чутье меня подвело. И оно действительно подвело, вот только не так, как мне того хотелось бы. Все оказалось гораздо хуже: я готовился к неприятностям, а угодил в настоящую

катастрофу.

Стоило мне пересечь пограничную черту, как меня тут же скрутили оперативники турецкой разведки МИТ. Их было не меньше батальона, не считая подразделений технической поддержки. Из чего следовало: они заранее знали, что им придется иметь дело с целой группой профессиональных агентов. Широкомасштабная облава разворачивалась под объективами нашего спутника, но Ведомство хранило молчание. Это прямо указывало на то, кто предупредил МИТ о нашем появлении.

Конечно, я впал в отчаяние. Когда твое командование само сдает противнику свою оперативную группу, а также канал нелегального перехода через границу, значит, нас угораздило не просто засветиться. Мы засветились по-крупному! Настолько, что стали для Ведомства чем-то вроде злокачественной раковой опухоли, которую следовало поскорее вырезать, пока она не дала метастазы.

Дабы я не подал сигнал напарникам, турки выстрелили в меня из засады шприцом с мгновенно действующим снотворным. Но они просчитались. На мне были очки со встроенными микрофоном и миникамерой, чей передатчик посылал сигнал на лэптоп Крупье. Он, Бледный и остальные следили из Сирии за каждым моим шагом и сразу же узнали,

чем завершился мой переход через границу. Если бы меня встречали агенты Ведомства, им не было бы нужды прибегать к силе, ведь мы продолжали считать их своими. Такое задержание могли произвести только враги. А раз так, значит, засада могла подстергать нас по обе стороны границы. В связи с чем мои люди, потеряв со мной контакт, должны были рассеяться и прорываться поодиночке из опасной зоны.

Так они и поступили. И когда я был разоружен, обыскан, скован наручниками и разбужен, первое, о чем меня спросили оперативники МГТ: «Где ваши люди, полковник Грязнов?»

«Далеко отсюда, – усмехнулся я, определив, что с момента моего пленения прошло около четверти часа. И это была чистая правда. Если Бледного, Гробика, Крупье и Сквозняка до сих пор не задержали, отныне шансы турок поймать их таяли с каждой минутой. Как, впрочем, и шансы Ведомства. И мне, и моим людям стало совершенно очевидно, что нас решили пустить в расход. И теперь, чтобы выжить, им придется разорвать все контакты с Ведомством и залечь на дно.

Возможно, что навсегда.

Объявив нас предателями и дезертирами, Ведомство сдало нас МГТ, чтобы сделать свою ложь более правдоподобной. Если бы мы были

арестованы своими, возник бы резонный вопрос, почему они, зная о том, где мы находимся, сразу же не схватили нас? А так поимку Грязного Ирода приписывали себе в заслугу турки. Ну а России оставалось лишь попросить у них его экстрадиции. На что Турция, разумеется, согласилась, поскольку обе стороны договорились об этом заранее – еще когда Ведомство передавало МІТ информацию о нашем переходе через границу.

Изменник и очернитель России, полковник Грязнов, был возвращен на родину и только там узнал, в чем его обвиняют. Бросив меня на растерзание СМИ и политикам, Ведомство тут же спряталось в тень и даже не участвовало в моих допросах. Тем самым оно брало на себя риск, ведь я мог выболтать дознавателям столько секретов, что их хватило бы на возбуждение уймы новых уголовных дел. Но мое бывшее командование рассудило верно: я буду держать язык за зубами, поскольку иначе мне его живо укоротят. В этом плане с ренегатами, вроде меня, проблем не было. Мы отлично знали, на что способно Ведомство. И трижды думали, прежде чем открыть рот и что-то сказать следователям из прокуратуры.

Вновь отвечая на вопрос, куда подевались люди из моей группы, мне даже не приходилось лгать. Я и вправду этого не знал. С их конспиративным опытом они могли быть где

угодно, в том числе в России. Само собой, при желании я мог выйти с ними на контакт. Но даже прознай дознаватели о нашем способе связи, воспользоваться им и выманить беглецов из берлог никому другому, кроме меня, не удастся. Сам я на роль приманки тоже не годился. Во время сеанса связи я мог предупредить их об опасности множеством незаметных способов – просто не вовремя моргнув или бросив мимолетный взгляд не в ту сторону. И все усилия дознавателей окажутся тщетными. Рыбка сорвется с крючка, а я буду лишь разводиться руками – кто осудит моих людей за то, что они перестали доверять бывшему командиру?

Кто только ни пытался заработать на мне популярность или политический капитал: от думской оппозиции, объяснившей мое предательство результатом проводимых в армии, президентских реформ, до каких-то панк-рокеров, написавших обо мне скандальную песенку, что вмиг стала суперхитом. Но в конце концов вся эта свистопляска поутихла и моя звезда закатилась. Выслушав приговор и не признав себя виновным, я отправился доживать остаток своих дней в воркутинской тюрьме. И гадать, сколько на самом деле я там протяну, ведь до своей естественной смерти узники, вроде меня, не доживают.

Ведомство убедилось, что я не болтун, но кто знает, что станет со мной лет через десять, когда

меня доконает неволя и надвигающаяся старость. Секреты, в какие я посвящен, останутся взрывоопасными даже через полвека. И если я сломаюсь и начну откровенничать, скандал разразится похлеще того, который только что утих.

Пока имя полковника Грязнова на слуху, Ведомству невыгодна моя скоропостижная смерть. Поднимется шумиха, репортеры начнут расследования и нароют еще какой-нибудь компромат на российские спецслужбы. Но как только статьи обо мне сойдут с первых и вторых газетных полос, я могу начинать приводить дела в порядок и готовиться к отходу в мир иной. То есть примерно через три-четыре года. Если, конечно, за это время в моей судьбе не произойдет счастливый поворот или я не изобрету способ, как вырваться на свободу.

Шансы на то и на другое были примерно одинаковы. Засвеченный по-крупному и объявленный предателем оперативник утрачивает для Ведомства всякую ценность. Он не сможет получить даже должность инструктора в учебном центре. И потому отвергнутому папочкой, многогрешному сыну не стоит уповать на прощение и приглашение вернуться в отчий дом. Бежать из окруженной непролазной тундрой колонии без помощи извне также нереально. А помочь мне некому. Даже если мои люди разрабатывали такой

план, Ведомство это предвидело. И давно расставило силки везде, где только парни могли объявиться.

Однако я упрямо не терял надежду на лучшее, а иначе давно свел бы счеты с жизнью. Последнее избавило бы Ведомство от лишних хлопот, да только много будет чести ублюдкам, если я доставлю им такую радость. Так что пусть сидят в своих теплых креслах и волнуются, чтобы я не настучал на них втихаря какому-нибудь репортеру. Уничтожение их нервных клеток – единственное, чем я мог им отомстить, пока они окончательно меня не погубили. Согласен, более жалкой мести не придумать. Но так или иначе, она дарила мне те крупницы радости, что согревали меня в холодной камере долгими полярными зимами.

Спасение, на которое я к исходу третьего года моего заточения уже не рассчитывал, пришло оттуда, откуда я его точно не ждал.

Будучи однажды вызванным в лазарет, якобы для сдачи анализов на туберкулез, я, как было и тогда, на турецко-сирийской границе, вновь получил неожиданную инъекцию быстродействующего снотворного. Только теперь проснулся гораздо позже – спустя примерно пару суток. И, что было совершенно невероятно – уже не в заснеженной Воркуте, а на побережье южного моря, в жаркой арабской стране...

... Проснулся и, поняв, что это не сон, поначалу вовсе не обрадовался. Напротив, еще больше упал духом. Да и как тут было не отчаяться? Уж лучше бы меня прикончили палачи Ведомства или подкупленные ими воркутинские зэки! Эти хотя бы сделали свое грязное дело быстро, не причиняя мне лишних мук. А вот арабы, к каким меня угораздило попасть, способны годами истязать пленных врагов. И не просто истязать, а каждый день применять к ним новые пытки, при этом удерживая своих жертв в сознании и здравом уме. За тем, чтобы они не рехнулись от боли и в полной мере ощущали свои страдания.

У арабов, а еще у китайцев, пытки возведены в ранг искусства. И раз уж мой освободитель не пожалел средств, чтобы выкупить меня из тюрьмы и переправить к себе на родину, значит, он планировал получить за эти деньги максимальное удовольствие.

Что ж, я планировал издохнуть в течение ближайшего года, но теперь мне это точно не грозило. Сбылись мечты моих врагов: я угодил в ад еще при жизни. И готовился к испытанию, в котором смерть станет самой желанной и почти недостижимой наградой. По крайней мере, в последующие пару лет – точно.

Само собой, что иное объяснение происходящего мне не могло прийти на ум в

принципе. После того, как имя главаря «сирийских палачей» прогремело на весь мир, друзья, родственники и просто единоверцы моих жертв загорелись мечтой свести со мной счеты. И кое у кого, похоже, хватило денег воплотить свою мечту в жизнь...

Вот прокол так прокол! А ведь можно было всего этого избежать, если бы я не коптил в тюрьме небо, надеясь неизвестно на что, а поступил разумно: покончил жизнь самоубийством!

Одно было неясно: если меня готовили к путешествию по всем кругам ада, почему вместо грязного подвала поместили в роскошную комнату с видом на море, уставленную яствами, какие мне не доводилось пробовать, даже когда я был свободным человеком? А угощали меня ими такие прекрасные полуобнаженные гурии, что я долго не мог выбрать, какому из двух недоступных мне в тюрьме соблазнов следует отдаться в первую очередь – похоти или чревоугодию.

Наверняка Демир аль-Наджиб наблюдал за мной украдкой с того момента, когда я только продрал глаза и, словно идиот, вытаращился на его разносолы, гурий и дворцовое убранство. То-то, небось, шейх при этом смеялся! Но, надо отдать ему должное, в общении со мной он был серьезен и даже почтителен, хотя таким ублюдкам, как я, на востоке отродясь не принято оказывать уважение.

Ведомству явно не доводилось вмешиваться в дела аль-Наджиба, а иначе вряд ли меня ожидал такой радушный прием. А тем более – предложение поработать. И пускай отклонить его я так и так не посмел бы, все равно было приятно, когда со мной обращались уже не как с узником, а как со свободным человеком.

Шейх мог предоставить мне в помощь любых специалистов, но я предпочел собрать свою привычную команду. За время, что я гостил в Дар-ас-Сабахе, мне приходило на ум, что весь этот рай может быть ведомственной инсценировкой. Конечная цель которой – заставить меня вызвать сюда своих людей и наконец-то повязать их всем скопом. Но на сей раз здравомыслие победило мою извечную паранойю. В подобном спектакле попросту отсутствовала бы логика. Ведомство, конечно, способно при необходимости на любую подлость. И все же оно не станет обращаться за помощью к ближневосточному «аладдину», чтобы арестовать четверых дезертиров. В иерархии внештатных ведомственных агентов «аладдины» с их влиянием и связями имеют ту же важность, что штабные аналитики – в армии. Никто не пошлет аналитика штурмовать с автоматом в руках вражеские укрепления. Также как никто не станет привлекать «аладдина» к охоте за беглыми рядовыми оперативниками, рискуя подставить его

под удар и обезглавить огромную агентурную сеть, которую он контролирует.

В общем, долго ли, коротко ли, но в итоге наша бравая компания вновь собралась вместе, отправилась в Дубай и теперь подбиралась к центру аномальной бури. Туда, где, по имеющейся у нас информации, мы могли не только отыскать пакали, но и нарваться на крупные неприятности...

– ... Церковь выдает желаемое за действительное, – пояснил я в дополнение к затронутой Бледным теме. – Мое покаяние нужно ей так же, как автоконцерну – кинозвезда за рулем его автомобиля. Один покаявшийся грешник для церкви в буквальном смысле дороже тысячи праведников, поскольку он делает ей воистину громкую рекламу. Что же тогда говорить о всемирно известном покаявшемся грешнике?.. Бизнес есть бизнес. Без чудес вера паствы ослабевает, а кошельки пастырей худеют. И если чудеса не происходят, значит, их надо инсценировать. Любыми доступными средствами. И кого волнует, что на самом деле Грязный Ирод уверен, что ему не в чем каяться, и что он не жалеет ни об одной отнятой им жизни.

– Пара-тройка миллиардов человек в мире полагает, что вы просто обязаны испытывать тяжкие угрызения совести из-за загубленных нами невинных детских душ.

– Каких таких детских душ, майор? Разве сыновья того сирийца, который слил нам информацию о фабрике по производству бомб в Эс-Саане, были детьми?

– Пара-тройка миллиардов человек в мире считает, что да.

– А это случайно не та же самая пара-тройка миллиардов идиотов, которые верят, что если утопить все оружие в океане, то на Земле сразу же воцарится мир, благодать и всеобщая любовь?.. Знаешь, кто до сих пор меня удивляет в этом шизофреническом мире, майор? Отцы, которые вручают своим десятилетним сыновьям автоматы и говорят: «Вот ты и стал мужчиной, сынок! Отныне ты настоящий воин, готовый убивать неверных!» Но стоит схватить такого папашу за горло, как он начинает умолять пощадить его детей, которые якобы еще совсем малы и ни в чем не виноваты... Как же так?! Разве можно быть достаточно взрослым для того, чтобы убивать людей и в то же время – недостаточно взрослым, чтобы другие могли убивать тебя? Что-то в этой логике не срастается, тебе не кажется? Сыновья того сирийца считали себя воинами. И мы уважили их выбор: отнеслись к ним как к настоящим воинам, безо всяких поблажек. А теперь какие-то три миллиарда идиотов оскорбляют память этих юных героев, обзывая их детьми, а меня – Грязным Иродом!

Мне-то что – я не гордый, стерплю, – а вот им в раю, должно быть, слышать такое очень обидно... Погоди-ка, мне тут кое-то подмигивает! Ага, а вот и наш сигнал!

Сенсор на ультразвуковом передатчике мерцал морзьянкой – залегшие к востоку от нас Захаб и Крупье передавали мне и Бледному последние новости. Это означало, что нам пора прекращать трепаться и нужно полностью сосредоточиться на наблюдении, поскольку в Лагунах начинало происходить кое-что любопытное.

Вскоре и мы увидели в бинокли появившуюся неподалеку от «кляксы» женщину. Это была чумазая арабка, одетая в потрепанный хиджаб и, судя по шаткой, неровной походке, сильно измученная. А судя ее по не вполне адекватному поведению, нервы у арабки тоже были на пределе. Она все время потрясала руками, в одной из которых был зажат какой-то предмет, оглядывалась по сторонам и громко кричала.

По всем признакам, женщина уже долго и безрезультатно кого-то разыскивала. Кого именно, я определил, увеличив кратность бинокля и разглядев то, что она сжимала в кулаке. Это был маленький кроссовок, какие носят дети семи-восьми лет. Когда арабка переставала махать руками, она прижимала ее к сердцу, как

драгоценную святыню. И, наверное, не бросила бы, даже столкнусь она нос к носу с самим Иблисом.

– Что у нас со звуком? – поинтересовался я у Бледного, который навел на женщину высокочувствительный направленный микрофон и пытался его настроить.

– Один момент, босс... – Майор еще немного повертел микрофон в руках и, добившись нужного результата, протянул мне подключенный к нему проводной наушник. Второй такой уже торчал у Бледного в ухе. – Готово!.. Ну как?

Я пристроил наушник на место, прислушался и показал большой палец: сойдет!.. В буре от такой «прослушки» толку нет, но в тихих Лагунах ею можно воспользоваться. Микрофонный фильтр отсекал большинство шумовых помех, позволяя нам разобрать, о чем кричит арабка, а также слышать те звуки, что долетали до ее ушей. Двигалась она не слишком торопливо, и Бледный уверенно держал ее на прицеле микрофона. А, возможно, не только он. Если Тот, Кого Мы Опасались, также притаился сейчас где-то поблизости, он также непременно обратит внимание на эту живую помеху.

– Рахи-и-им! Сынок, ну где же ты?! Во имя Аллаха, отзовись! Рахи-и-им, мальчик мой!.. – почти без умолку причитала женщина. Слезы, что текли по ее запыленному лицу, рисовали на нем

совершенно фантастические разводы, отчего оно казалось уже не лицом, а трагической маской из жуткой сюрреалистической пьесы. То и дело безутешная мать останавливалась, падала на колени и подбирала с земли какой-нибудь предмет: пластиковую бутылку, камень, рваную продуктовую упаковку... Увы, ни одна из находок не могла указать ей, куда пропал ее ребенок и в правильном ли направлении она ведет поиски.

– Рахи-и-им! Вернись, умоляю тебя! Аллах всемогущий, храни моего мальчика и пошли мне знак, где его искать! Рахи-и-им, ну ответь же мне!..

– А здорово она с детским ботиночком придумала, правда, босс? Готов поспорить, эта австрийская стерва и впрямь могла бы в кино сниматься, – заметил Бледный, не сводя микрофона с нашей вошедшей в образ артистки.

– Что верно, то верно, – подтвердил я. – Главное, чтобы не переигрывала и не забывала об осторожности. А то, ишь, размахалась руками, того и гляди, металлоискатель из-под хиджаба вывалится.

– Не вывалится, – заверил меня Бледный. – Сквозняк его сам у нее на поясе закрепил, так что там полная гарантия. Меня больше другое волнует.

Этот Безликий...

– Да ладно, я же разрешил не при Захабе называть его так, как мы привыкли.

– Ну да, верно, разрешили... Этот сукин сын Кальтер, он же вроде бы из отдела «Мизантроп», так?

– Все правильно. Оперативник категории «интродер». Не знаю, как сегодня, но четыре года назад он был первым в Списке Бодрствующих.

– Ну да, припоминаю нашу чернобыльскую командировку две тысячи двенадцатого, – кивнул Бледный. – Так вот я о чем: у них ведь в «Мизантропе» свои особые порядки. Это нам с вами за каждый оставленный за собой труп приходилось отчитываться. А там все наоборот: трупы отродясь никто не считал, а за оставленных в живых свидетелей, которые тебя ненароком заметили, могли головомойку устроить. Поэтому в «Мизантроп» и берут исключительно тех, кто, в отличие от нас, вообще не забивает голову такой ерундой, как возраст жертвы и ее половая принадлежность.

– Все ясно. Думаешь, Кальтер побоится, что безутешная мамаша сможет его засечь, и помешает ей в этом?

– Думаю, это будет очень даже в его стиле. Но за фройляйн пусть ее «русиш фикер» волнуется. Мне металлоискатель жалко. Если пропадет, второго-то у нас нет...

Между тем старательно отыгрывающая роль Зельма добрела до центра погожего пространства –

черной аномалии. И, упав рядом с ней на колени, принялась, брызжа слюной, с жаром проклинать шайтана и швырять в «кляксу» камни. Те касались ее, но не тонули, а просто исчезали, не возбуждая на поверхности аномалии ни малейшего волнения. А «клякса» как ни в чем не бывало продолжала безостановочно менять форму и, наверное, осталась бы такой же невозмутимой, даже если бы в нее бросили гранату.

– Хватит расслаживаться! Давай, топай оттуда! Время дорого! – поторопил Бледный Зельму, хотя она не могла его слышать. Впрочем, ей и самой не хотелось задерживаться на опасной территории. Послав шайтану столько проклятий, сколько позволял ее запас арабских ругательств, фройляйн Дорф скормила «кляксе» последний камень, поднялась с колен и, плюнув в нее на прощанье, побрела дальше. Над Лагунами вновь раздались отчаянные призывы к несуществующему Рахиму пожалеть бедную, несчастную мать и поскорее вернуться...

Тактическая задача Зельмы была намного проще актерской: прогуляться по местности, просканировать ее скрытым под одеждой металлоискателем и нанести на карту как можно больше отметок. Убивать мирную гражданку Безликому-Кальтеру было совершенно необязательно. На пакали она явно не посягала.

Возня же с уборкой трупа вынудит его на время отринуть конспирацию, а это для него ненужный риск. И бросить мертвое тело валяться близ «кляксы» тоже нельзя. Когда сюда явятся другие искатели пакалей, такая находка их насторожит. Они приготовятся к нападению и усложнят тем самым охотнику задачу... В общем, по моему мнению, фройляйн Дорф была идеальным шпионом, способным отрыво расхаживать под носом у Кальтера, не вызывая у того желания сделать себе еще одну зарубку на прикладе.

И все у Зельмы шло как по маслу до тех пор, пока ее поиск не был нарушен непредвиденным и весьма досадным обстоятельством.

– Помехи, босс! – внезапно всполошился Бледный. – Два вооруженных араба на час с половиной!

– Шайтан их побери! – процедил я, нацелив бинокль в сектор наблюдения майора и сразу же заметив тех, о ком он говорил. УЗП у меня под рукой тоже заморгал предупредительной морзянкой. Захабу и Крупье та территория была видна не так отчетливо, как нам, но и они обнаружили в безлюдном районе две новые «помехи». Тем более что те шли в открытую и не думали таиться.

Продолжая причитать над детской кроссовкой, Зельма удалилась от «кляксы» и

вышла на набережную одной из лагун. Даже беглого взгляда хватало, чтобы определить: ей никак не разойтись с движущимися в ту же сторону арабами. Выйдя на спокойную территорию, они сняли скрывающие лица, платки-шемаги и защитные очки и теперь наслаждались безветрием и отсутствием летящего в глаза песка. Гости явно не принадлежали к военными или полицейским. Те носили армейские защитные комбезы – точно такие же, какими снабдил нас шейх. Эти двое облачились в обычные ветровки и спортивные костюмы. И были вооружены допотопными «калашами», которые можно за смешные деньги купить из-под полы на любом здешнем базаре.

Все понятно: мародеры. Как правило, в многоэтажные жилые кварталы они не совались. Добыча там была гораздо скуднее, чем в торговых и деловых районах, а также в дворцах и частных виллах на побережье. Конечно, если в течение ближайшего полугодия ураган не утихнет, мародеры доберутся и сюда. Но пока они могли заглянуть в Лагуны либо на разведку, либо просто отдохнуть от непогоды.

Завидев Зельму, мародеры ускорили шаг и принялись что-то оживленно обсуждать, указывая на нее пальцами. Бледный уже навел на них микрофон и сейчас мы оба прислушивались к тому, о чем болтают «помехи».

– Похоже, плохо дело, босс! – заметил майор. – Если я правильно разобрал, эти двое слышали крики, но спешат к Зельме явно не на помощь.

– Ты прав, – подтвердил я. – Они спорят, кто будет развлекаться с ней первым. Предлагают кинуть жребий. Говорят еще о ком-то – видимо, о своих приятелях, – которым тоже нужно оставить немножко «сладкой пахлавы».

– Слышно что-нибудь от Сквозняка и Гробика?

– Пять минут назад подали сигнал, что продолжают «мотыжить поле». Раз так, значит, они где-то близко и тоже не проморгали эти ходячие «помехи».

Фройляйн Дорф не могла позволить себе выйти из роли потерявшей сына мамыши. И потому при виде любителей «сладостей» не пустилась наутек, а, напротив, сделала вид, что обрадовалась и поспешила к ним. Когда между ними оставалось шагов двадцать, она плюхнулась на колени и, жалобно возвысив голос, стала показывать мародерам кроссовок, умоляя их сказать, что они видели Рахима и что с ним все в порядке. Мародеры, не обращая внимания на ее причитания и не замечая шага, продолжали идти ей навстречу. Один из них изобразил добродушную улыбку и начал что-то быстро говорить Зельме. Второй тоже